

РОССИЯ
ДЕРЖАВНАЯ

ИРИНА
ИЗМАЙЛОВА

КНЯЗЬ
АЛЕКСАНДР
НЕВСКИЙ

Россия державная

Ирина Измайлова

Князь Александр Невский

«ВЕЧЕ»

2018

Измайлова И. А.

Князь Александр Невский / И. А. Измайлова — «ВЕЧЕ»,
2018 — (Россия державная)

ISBN 978-5-4484-7929-8

Поздней осенью 1263 года князь Александр возвращается из поездки в Орду. На полпути к дому он чувствует странное недомогание, которое понемногу растёт. Александр начинает понимать, что, возможно, отравлен. Двое его верных друзей — старший дружинник Сава и крещённый в православную веру немецкий рыцарь Эрих — решают немедленно ехать в ставку ордынского хана Менгу-Тимура, чтобы выяснить, чем могли отравить Александра и есть ли противоядие.

ISBN 978-5-4484-7929-8

© Измайлова И. А., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Часть 1	14
Глава 1	14
Глава 2	18
Глава 3	22
Глава 4	26
Глава 5	29
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	42
Глава 9	48
Глава 10	52
Глава 11	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Ирина Измайлова

Князь Александр Невский

ПРОЛОГ

Глава 1 Путь домой

Небо над высоким берегом Волги было покрыто клочковатыми, изодранными ветром тучами. Из них густо летел мокрый снег, чиркая белыми строчками по волнам. Случалось, его подхватывал шквал – и белое крошево рассыпалось вихрями, иной раз перемешиваясь с дождём. Тёмные воды, высоко поднявшиеся за время проливных дождей, неслись будто обезумевшие.

Хмурый день склонялся к вечеру, когда над берегом показался и тронулся вдоль его кромки отряд всадников. Они спешили, понукая коней, стремясь добраться до какого-нибудь крова.

Копыта месили жирную осеннюю грязь, и брызгами этой грязи были густо покрыты ноги всадников, края их плащей. Иногда грязь попадала и в лицо кому-то из едущих, и тот, морщась, смахивал её рукавом. Все без исключения лица, мокрые от непогоды, выражали раздражение и усталость.

Вот уже не один день тянулись они по этой осенней непогоде, то продвигаясь вдоль реки, то слегка от неё удаляясь, ища более удобный путь, но вновь и вновь увязая в тёмной жиже бездорожья, которую порой, под вечер, присыпал пятнами белизны густеющий снег.

Путники ехали к далёкому Новгороду.

Отряд насчитывал девятнадцать человек. Все в кольчугах и шлемах, в шерстяных плащах, уже немало пострадавших от скачки по осенней непогоде. По доспехам и вооружению (у каждого ратника на поясе мотался меч в кожаных ножнах, у некоторых были приторочены к седлу дротики, у кого-то за плечами висели луки) легко угадывалось, что они русские. Да и лица, хотя и в брызгах грязи, тоже выдавали воинов.

Во главе отряда ехал на крупном гнедом коне человек громадного роста и могучего сложения. Алый плащ, особой добротной работы кольчуга, шлем с золотой насечкой – всё обличало в нём человека знатного и сильного. Но особенно выделялось его лицо: раз увидишь – никогда не забудешь. Ему казалось на вид около сорока лет, может, немного меньше, хотя на самом деле сравнялось сорок три. Слегка выющиеся волосы и обрамляющая щёки и подбородок короткая борода были светло-ржаными, как и брови, но бровей под надвинутым шлемом не удавалось увидеть. И также не разглядеть было седины, во многих местах пробивавшей светлую густоту волос.

Черты лица – чеканные, твёрдые, будто выведенные резцом на нерушимом металле, глаза – синее полуденного небесного разлива, но не сияющие, не ласковые. В них грозно блистала сталь.

Заметив, что отряд позади него растягивается и начинает понемногу отставать, предводитель слегка натянул поводья, не останавливаясь, обернулся:

– Что же, братие, вовсе без сил, что ли? Едва едете.

– Княже! Гляди, по дороге, за мысом, хаты чернеют! Вон там. Посмотри!

Понукая усталого коня, князя догнал один из его дружинников. Поравнялся, смахнул с лица мутные брызги и продолжил:

– Слышь, княже Александре!¹ Надобно свернуть да поглядеть, что там такое. Ежели поселение русское, так не остановиться ли нам засветло да не заночевать ли? В такую хмарь среди чистого поля стана не разбить – в грязи утонем да вымокнем. Никакой шатёр не спасёт...

Александр поднял руку, защищая глаза от ветра и хлопьев мокрого снега.

Вдалеке, там, где берег становился ниже, действительно виднелись чёрные силуэты десятка вросших в землю домишек.

Обернувшись к дружиннику, князь пожал плечами под мокрым плащом:

– Остановиться-то, Митрофанко, надобно. Долее ни мы, ни кони не выдержим: вон, твой уж оступает, в грязи скользит. Только поселение то не живое. Гляди: ни дымка над кровлями!

Другой дружинник, средних лет, крупный мужчина, с бородою по грудь, в свою очередь, догнал князя и, возвысив голос, чтобы его речь не заглушало хлюпанье копыт по грязи и фыркание коней, проговорил:

– Знаю я, княже, это место. Тут когда-то целое городище было. Потом, когда отец мой, царство небесное, сюда ещё с дружиной твоего отца, князя Ярослава, ездил, только поселения осталось, малое да нищее. А после и оно вымерло: татары разорили дочиста. Людишек кого в полон увели, а кто сам ушёл.

Выразительное лицо Александра исказили одновременно гнев и неожиданно, но явно обозначившая себя боль. Она будто шла изнутри, будто невидимая глазу рана вдруг дала о себе знать. Князь не вздрогнул, не поморщился. Только его губы чуть покривились и напряглись да зрачки расширились, сделав глаза темнее и глубже. Эту странную, глубоко спрятанную, необъяснимую боль он не раз уже чувствовал за время пути и не хотел говорить о ней своим спутникам. Они и не замечали ничего. И в этот раз приписали его невольную гримасу раздражению и гневу, вызванным словами его спутника.

– Мы ж третий день из ханского становища едем! – воскликнул Александр. – И ничего живого – будто вымерли русские люди! Как вокруг норы драконьей... И дань им платим, и не выступаем супротив их власти, а всё едино: не могут они нас не трогать, не губить, не разорять! Что же им так кровь-то русскую пить нравится?!

Рука князя крепко сжалась на поводьях коня. В это время сквозь лохматые тучи вдруг прорвался одинокий солнечный луч и на пальце вспыхнул огнём драгоценный перстень.

И, как тяжёлое видение, так же ярко возникло воспоминание, заставившее Александра снова поморщиться, на этот раз не от боли.

Он будто бы ясно увидел просторный ханский шатёр, обставленный богато, но безвкусно. Ковры и подушки на полу; по стенам – мечи и кинжалы самой различнойковки; копья, щиты; вдоль стен – сундуки и ларцы, несколько друг к другу не подходящие и оттого похожие на выросшие по кромке опушки кусты, бестолково теснящиеся, мешающие один другому расти.

Среди всего этого варварского многообразия выделялось лицо того, к кому князь Александр приехал, к кому явился в этот самый шатёр. Нынешний повелитель Орды хан Менгу-Тимур. Его лицо, широкое, по-своему выразительное, казалось тем не менее закрытым: ни мыслей, ни чувств на нём не читалось – оно походило на своеобразную маску под дорогим мехом богатой шапки. Хан восседал не на традиционных подушках, но в роскошном резном кресле персидской работы, покрытом шкурой леопарда. Перед ним, на столике, тоже изящно сделанном, но не персидском, а китайском, с перламутровыми и яшмовыми инкрустациями, стоял кувшин вина, на блюде оранжево светились крупные персики.

Менгу-Тимур пил вино из золотого кубка, пристально глядя на князя и улыбаясь. Но его улыбка тоже не выражала ничего, будто он просто приклеил её к своему лицу. Взяв кубок

---

¹ Обращение с окончанием на «е» или «о» применялось на Руси в седьмом падеже, так называемом звательном. «Отче», «друже», «Владыко» и др.

из правой руки в левую, хан подхватил с расшитой подушки роскошный восточный шлем. Протянул, продолжая улыбаться:

– Бери, Искендер! Бери. Это персы делали. Искусные мастера. В таком шлеме и меч тебя не возьмёт. Ничто не возьмёт, кроме гнева ханского, если вдруг прогневишь меня!

Александр молча принял шлем, склонив голову, приложив руку к груди.

Между тем хан вновь отпил вина, но левой рукой не удержал кубка, тот наклонился, и алое вино потекло по белому, расшитому золотом халату.

Менгу, чуть поморщившись, поставил кубок, затем стащил с указательного пальца перстень. Перстни были у него на всех пальцах, на некоторых – по два, но этот, витой, тяжёлый, с замысловато гранёным огненным рубином, казался всех богаче.

– И это возьми, Искендер! Цени честь ханскую!

подавив готовую явиться на лице брезгливую усмешку, Александр взял перстень, надел на безымянный палец, вновь наклонил голову:

– Честь я ценю, хан. Но пуше даров ценю твоё слово ханское. Обещание, что рекрутов на Руси брать не станешь, что сбор дани мне на откуп отдаёшь, без баскаков твоих. А ещё – что не будешь разорять русских земель и войной на нас более не пойдёшь. Не нужна война ни нам, ни тебе.

На лице хана опять явилась улыбка, но теперь она была выразительной: в ней проглянуло нечто хищное, опасное. Вновь взяв кубок, хан проговорил:

– Искендер! Служи мне верно! Служи! Наш ты будешь, татарин! Великую славу от нас примешь на Руси. Ступай в Русь и помни: от нашей ханской грозы не уйдёшь, не скроешься!

Менгу довольно рассмеялся и, не глядя, ткнул кубок на китайский столик, который от неловкого движения хана наклонился. Роскошный кубок упал на бок, и вновь по шитому золотом атласу потекли багровые полосы пролитого вина.

Воспоминание об этой встрече, об этом разговоре, со времени которого минуло три дня, как огнём обожгло Александра.

– Татарин буду? – хрипло прошептал князь, ещё крепче сжимая поводья, так, что конь его зафыркал, прядая ушами и раздувая ноздри. – Ты кем же мнишь-то себя, а великий хан? Не Господом ли Богом?..

Он с трудом подавил желание сорвать с пальца драгоценный перстень и швырнуть в кусты. Этого нельзя было делать, но как хотелось...

Александр осадил коня. И вновь сморщился, уже яснее понимая, что испытывает где-то внутри себя непонятную физическую боль, но по-прежнему не желая о ней думать. Ему было не до неё.

Его старший дружинник, тот, что рассказал печальную историю опустевшего селения, вновь подъехал ближе:

– Почто встал, Александре? Далее едем или как?

– Едем, Сава, едем! – отозвался князь. – Прав ты: не в поле же, среди лютой непогоды ночевать. Каков бы кров ни был, всё лучше, чем под дождём да снегом.

– Ну так и слава Богу! Тут рукой подать... И тебе, и нам отдохнуть надобно.

На лице дружинника явственно читалась тревога. Он знал князя много лет и хорошо понимал: так просто тот коня не остановит, да и морщиться от одних лишь неприятных мыслей не станет – не в его повадке.

Саве, как и Александру, было немного за сорок. Он был крепок и осанист, могуч торсом, но лёгок в ногах и быстр в движениях. Лицо, спокойное и сосредоточенное, казалось не особенно подвижным, но когда воин вёл беседу, что-то рассказывал или вдруг принимался шутить, его уморительные гримасы могли рассмешить даже самых суровых ратников. Вертикальный шрам, выступавший из-под шлема на лоб и деливший надвое его левую бровь, оставил

борозду и на щеке, исчезая над самым подбородком. Как ни странно, эта отметина не портила лица дружинника, придавая ему какую-то особенную значимость.

Они уже подъезжали к разбросанным среди негустой лиственной рощи поникшим хаткам, унылым и явно давно нежилым, когда князю вдруг показалось, будто в тёмном проёме низкой двери ближайшего к ним домика явилась светлая фигурка. Мальчик-подросток в длинной светлой рубахе стоял, опираясь рукой на дверной косяк, и со странной улыбкой смотрел на всадников. Нет, не на всех. Он смотрел прямо на Александра. Тот взгляделся, понимая, что этого не может быть: село необитаемо, в нём никто не живёт, и откуда здесь взяться мальчику, да ещё одетому будто летом в такую леденящую кровь непогоду? Но видение не пропадало, напротив: мальчик вытянул руку, губы его шевельнулись, будто он хотел кого-то позвать. Хотел и не мог.

Александр весь подался вперёд, вглядываясь, чуть слышно охнул и, не удержавшись, позвал:

– Федя!

Он не понял, в какой момент перестал видеть светлый силуэт на фоне тёмного провала. Тот исчез, не удивив этим князя: он отлично понимал, что на самом деле ничего там не видел.

– Кого ты звал, Александре? – тревожно подал голос Сава. – Какой Федя? У нас в дружине не единого ж Фёдора нет...

Князь обернулся к дружиннику:

– Нет, я знаю. И не звал я...

Они достигли покинутых строений спустя несколько минут. Да, село наверняка уже несколько лет, как опустело. Однако на нескольких хатках частично уцелела убогая соломенная кровля, а значит, в них можно было найти приют для ночлега.

Александр спешил первым, подошёл к той самой двери, заглянул в неё. Он не то чтобы проверял себя, просто подумал, нет ли в хатке чего-то, что издали могло показаться человеческой фигурой: позабытой светлой занавески, полога над люлькой, отёсанного столба, подпирающего снизу кровлю. Ничего такого в пустой хижине не было. Князь усмехнулся. Низко пригнувшись, вошел. Вошедший следом Сава опустил на земляной пол снятое со своего коня седло:

– Садись-ка, княже. Мы сами всех коней расседлаем, огонь разведём. А ты лучше отдохай. Что-то бледен стал. Небось утомился, а?

В голосе преданного дружинника звучала тревога, которую он уже не мог скрыть и, наверное, не хотел скрывать. Александр в ответ усмехнулся:

– Ты меня как дитё малое не нянчи! Все утомились. Три дня едем, по грязи трясёмся, а крышу для ночлега в первый раз отыскиали. Дай Бог, ночь эту по-людски отдохнём. Вон, в этой хате и очаг сохранился. А коня своего я сам расседлаю.

Он повернулся к двери, сделал шаг, как вдруг покачнулся и невольно ухватился за край притолоки.

– Фу ты! Да что ж такое?

Подошедший следом за Савой молодой дружинник Митрофан тоже увидел, как мотануло в сторону князя, и даже не стал скрывать испуга:

– Александр Ярославич! Ты что это? Не таись, скажи: заболел?

– Нет! – не сердито, но с досадой ответил князь, однако отступил от двери назад и, бросив на дружинников немного растерянный взгляд, опустил на седло. – Не знаю, с чего вдруг зашатало. Ладно – уговорили. Огонь разводите, согреться нам надо.

Глава 2

Ночлег

В небольшом очаге, сложенном не из кирпича, а из здешнего светлого камня, огня давно не разводили. Очажок успел отсыреть, и с одной стороны на его стенке даже появились буроватые лепёшки лишайника, как кое-где и на тёмных брёвнах, из которых была выстроена хатка. Однако разгорелся он неожиданно быстро, и стоило пламени окрепнуть и бодро заплескаться на сухих сучьях, как хижина стала наполняться долгожданным теплом.

Дружинники установили походный треножник, повесили на его перекладине закопчённый чан, заранее наполненный водой, и вот уже над ним за клубился пар, и вскоре потянуло запахом немудрёной похлёбки, которую принялся готовить молодой воин Митрофан, старательно помешивая варево длинной деревянной ложкой.

Кровля в хатке, по счастью, уцелела, земляной пол оставался почти сухим. Он полностью зарос мхом, и можно бы было обойтись без сёдел – просто покидав вокруг очага плащи, но они были мокрые, у некоторых насквозь. Сёдла разложили так, чтобы всем сесть ближе к огню. Несколько человек по приказу князя оставались на карауле, их предстояло сменять, так что оставшимся хватило места в этой, одной-единственной лачуге. Кто-то принялся чистить оружие, кто-то притащил поленья, порушив и без того почти развалившуюся стенку другой хаты, и, прислонив эти поленья к стенкам и косяку, развесили на них плащи. Снять кольчуги никому в голову не пришло – все знали, что во время долгой и на всём протяжении небезопасной дороги приключиться может что угодно. Лучше пока остаться в воинском облачении, а снять позже – перед сном.

И всё же пылающий очаг, аромат немудрёной еды и опустившаяся за дверным проёмом тишина успокаивали людей. Они очень устали, им нужно было хотя бы на короткое время забыть о напряжении.

У некоторых, самых запасливых, нашлись в сумках сухие плащи, у кого-то овечьи шкуры, и эти счастливицы принялись кутаться в них, не забывая, впрочем, делиться с товарищами: если сесть вплотную друг к другу, то плаща хватит и на двоих, шкуры – тоже.

Вскоре Митрофан, черпанув ложкой из чана, подув на варево и осторожно его испробовав, воскликнул:

– Поспела похлёбка, братие! Мисы² подавайте да, помолясь, и поужинаем. Князь, а князь! Бери-ка свою мису, я тебе уж налил.

Александр поймал себя на том, что, несмотря на усталость, есть совершенно не хочет. Однако понял, что этого не стоит показывать дружинникам. Он принял окутанную паром посудину из рук Митрофана, осенившись крестом, прошептал молитву и вновь опустился на своё седло, окунув в варево ложку.

Дружинники оживились. Все охотно, иные даже с необычной поспешностью принялись за еду. И совестно было русским людям показывать друг другу непристойную прожорливость, однако долгая, выматывающая дорога да пронизывающий до костей холод слишком всех утомили, сделав к тому же в разы голоднее. К тому же и похлёбка, сваренная на копчёных костях, приправленная овсом и луком, получилась у Митроши наваристой, особенно аппетитной. Зерно, хлеб да лук везли с собой, купив в Орде у ловкого грека-купца, а костей накопили за день до этой стоянки, добыв в лесу кабанчика. Он послужил в тот день обедом и ужином.

Александр старался есть наравне со всеми, хотя бы с теми, кто, соблюдая правило, не спешил и степенно глотал ложку за ложкой. Но всё сильнее понимал, что едва заставляя себя

---

² Современное слово «миска» на самом деле – уменьшительное от широко распространённого в древности слова «миса», то есть «большая глубокая чашка».

проглатывать еду. Странная, ничем не объяснимая дурнота накатывала тёмной волной, и сильнее всего князю хотелось опустить голову на руки и как можно глубже провалиться в сон.

– Кто уж поел? – Он оглядел дружинников, заметив при этом, что как будто и видит хуже: фигуры в освещённой огнём очага полутьме расплывались, покачиваясь перед глазами, словно изба вдруг наполнилась дымом. – Чья очередь менять караульных, ступайте, а они пускай тотчас идут сюда – сохнуть да есть.

– А сам ты что же? – Сава оказался прямо над головой сидящего Александра, и тот едва не вздрогнул, когда голос товарища раздался совсем рядом. – Гляди, половину мисы едва одолел! Али невкусно?

– У Митрофанки невкусно не бывает. – Александр поймал себя на том, что, подняв голову, через силу выдавил улыбку. – Из чего б ни варил, а выходит, будто на праздник какой трапеза.

– С молитвой потому что! – Митрофан, всех оделив едой и убедившись, что караульным, которые вот-вот должны были явиться, тоже осталось, сам уселся на освободившееся седло. – Я ведь как? Варю да молюсь, варю да молюсь. Так и легче, и душе приятнее. А ты, княже, если не идёт трапеза, так и оставь... Поспи лучше. Не дай Бог, коли простыл да ломать начнёт. А сон, глядишь, и поможет.

Александр, вновь ковырнув ложкой варево, виновато глянул на кашевара:

– И впрямь, сказать стыдно, да что-то неможется. Может, и простыл, только непонятно: ни горла не щиплет, ни жара нет, а вот будто не в себе делась. Однако мису свою доем: грех еду бросать-то... Худо, если какая хворь привязалась: в дороге и не полечишься толком. Баньку и ту не принять.

И нахмуясь, князь добавил:

– Был бы с нами лекарь мой Феофан, так враз бы приготовил зельице какое-нибудь, и оно б мне помогло.

Сава, успевший между тем тщательно обскрести ложкой свою мису, кивнул со вздохом:

– Да, он бы что-то придумал. Вот уж угораздило того грека премудрого помереть перед самым походом твоим в Орду, княже. Не мог повременить!

Князь нахмурился ещё сильнее:

– Чаю я, что не он поторопился, Савушка, а его поторопили... Уж больно странная была его кончина.

Митрофан, слышавший всё сказанное, хотя и князь, и Сава говорили тихо, живо откликнулся:

– А и я слыхал, княже, что странно помер грек! Ровно на болоте лихоманку подхватил, а ни в каких болотах-то не был. И вот ты, выходит, тоже сомнения на сей счёт имеешь. Думаешь, что он?..

Александр лишь досадливо отмахнулся:

– Не знаю. И вправду, что ли, поспать... Вроде одёжа подсохла, так и в сон клонит.

Не без труда доев остывшее варево, он прислонился спиной к поросшей бледным мхом стене и закрыл глаза. Но тонкие струйки пара почему-то продолжали кружиться перед ним, и в их белёсых клубах по-прежнему проступали фигуры и лица дружинников, очертания сложенных на полу сёдел и оружия.

Снаружи, за порогом избы, опускалась ненастная ночь, спешившая сменить такой же сырой, неласковый вечер. До слуха доносилось конское ржание, редкие тоскливые стенания ночных птиц да шуршание дождя по утлой крыше. Косой, пронзительно ледяной дождь пошёл вдруг вместо снега. С реки слышался плеск волн, так же набегавших на берег.

Александр всё это слышал. Но тем не менее его сознание как будто погружалось в странный полусон – мысли расплывались, гасли, образы минувшего дня и долгих дней, что были до него, дней тяжёлой, изматывающей дороги, пропадали, сливаясь и смешиваясь.

Князь смутно слышал и голоса своих дружинников, говоривших друг с другом как можно тише – они думали, что он спит. А может, он и вправду спал?

Чья-то рука мягко коснулась плеча. Александр понял, что кто-то стоит совсем рядом с ним, прямо за его спиной. Он вскинул голову, при этом успев подумать, что глаза-то не открыл... как же увидит того, кто явно пытался его разбудить? Однако увидел. Над ним, чуть склонив белокурую голову, стоял мальчик – тот самый, который явился в дверях хижины, когда они к ней подъезжали. Светлые, чистые, как родник, глаза смотрели ласково и грустно.

– Федя! Федюшка! Брат! Отколь ты... отколь тут?! Как сюда попал?!

Мальчик обошёл вокруг сидящего, сел то ли на другое, лежащее рядом седло, то ли прямо на землю. Осторожно взял князя за руку и заговорил. Знакомым, ломающимся, но уже не детским голосом:

– Не страшись, брат. Не за тобой я. Просто упредить пришёл. Спешить тебе надобно.

Александр, не понимая, сильно сжал руку Фёдора. Она была холодной, но не ледяной. Будто он просто застыл в ненастье и ещё не отогрелся.

– Куда спешить, почто? – Князь вглядывался, проверяя себя, вглядываясь в тысячу раз знакомые черты и понимая, что этого не может быть. Здесь не может быть Фёдора. Он давным-давно умер.

– Почто спешить? И от чего упреждаешь, Феодоре? Я что-то не так сделал?

– Всё так! – Брат покачал головой. – Не от неправых дел упреждаю, Александре... Но ты ещё можешь зло исправить.

– Какое зло? Чьё?

– Ты и сам знаешь.

Князь рванулся, чтобы приподняться, но отчего-то не сумел. Ему хотелось также удерживать руку брата, но Фёдор ласково отнял её:

– Ты знаешь, Саша, знаешь.

– Так ты скажи, слов в тень не прячь! – воскликнул князь. – С того света просто так ведь не приходят, Федя! Что такого мне знать надобно, что тебе сюда прийти попущено?

Мальчик снова улыбнулся:

– Так у меня ж душа чистой осталась. Мне многое попускается. Но ты, брате, сможешь больше моего, вот поглядишь! И не страшись ничего. Чему должно случиться, то случится...

Александр резко открыл глаза. Его лицо было покрыто потом. Даже прилипшие ко лбу пряди светлых волос стали влажными.

Очаг ещё слегка дымится, но огонь в нём почти угас, только по головешкам, словно гоняясь друг за дружкой, пробежали багровые искры.

Он огляделся. В избе ещё оставалось полутемно, но за порогом наступил рассвет – тонкие серые лучи пронизывали утренний сумрак.

Внутри ещё дремали несколько человек дружинников, но в основном все пробудились – снаружи доносились их голоса: вероятно, они седлали коней и возились со сбруей.

Пригнувшись, в низкую дверь вошёл Митрофан. Увидав, что Александр проснулся, не без тревоги вгляделся в его лицо:

– Здрав буде, княже! Что, полегчало тебе?

– Полегчало. – Александр сел, проводя по лбу рукавом рубахи. – Поспал, так вроде и немочь прошла. Слышь-ка, Митрофанко, а я во сне брата своего нынче видал. Фёдора.

Дружинник невольно насторожился:

– Это какого такого Фёдора? Того, что тебя годом старше был? Того, что совсем молодым помер?

Александр встал без видимого усилия, но тут же едва не ударился головой об одну из поперечных балок потолка избы. Отстранился, усмехнувшись, и, пошарив вокруг себя, нашёл и

принялся надевать снятые с вечера кафтан и кольчугу. Одеваясь, уже не глядя на дружинника, проговорил:

– Его видел, его самого. Он не то что молодым, Митрофанко, он, считай, почти что мальцом Богу душу отдал. Болел долго. Лекари да знахари отца упреждали: не жить Феде. Так князь Ярослав, отец наш, надумал его женить, чтоб род с его стороны не прерывался, чтоб успел братец дитя зачать. Но и свадьбу сыграть не успели – пришлось похоронную тризну править. Как думаешь, с чего я его ныне видал?

Митрофан попытался сделать вид, что спокоен, но получилось плохо. Он даже не сумел скрыть дрожи в губах:

– Ну, ты и вопросы задаёшь, княже! С чего мы покойников видим? Кто ж те ответит? Я вон у священника как-то спрашивал, так он мне только молиться больше велел и чаще усопших своих поминать. А то я не поминаю? Не нехристь ведь!

– А кого видал-то? – не удерживается Александр.

– Жену-покойницу, Матронушку. Эй, княже, ты плащ-то накинь. Снег более не сыплет, да холоднее стало.

Александр взял плащ, но не надел. Низко пригнувшись, медленно вышел за порог.

Сперва ему показалось, что он оказался вдруг в совершенно ином месте, не в том, где накануне остановился с дружинниками на ночлег. Кругом всё было залито солнцем, хотя небо ещё оставалось наполовину в тех же рваных тёмных тучах. Но солнечный свет преобразил всё кругом. Даже кривые избы в солнечном свете казались не такими убогими, а река, с трёх сторон окружающая мыс, так и играла бликами.

Князь отыскал глазами своего коня, уже осёдланного (дружинники постарались, кто ж их просил-то?), широко и тревожно поведившего ноздрями. Почувяв хозяина, конь тихо заржал, ковырнул копытом влажную землю, мотнул головой, разметав по мощной шее светлую гриву.

Александр направился к коню, но на ходу вдруг вновь ощутил приступ слабости. На сей раз немочь показалась не тяжкой и болезненной. Ощущение было – будто порывом налетел ветер, сделав всё тело легче и свободнее. И странное, ничем не объяснимое, но волнующее веселье тронуло душу. Казалось, этим порывом ветра принесло воспоминание, давным-давно унесённое в невозвратное прошлое, воспоминание радостное, трепетное, полное безоглядной радости. Радости, какая бывает только в детстве.

Часть 1 БРАТЬЯ

Глава 1 Княжеский постриг

Неспокоен был в тот день град Переславль-Залесский.

Широкая площадь между княжеским теремом и Спасо-Преображенским собором была полна до краёв. Тут не только что яблоко – казалось, иглу урони, и она не падёт на землю – воткнётся в чей-нибудь кафтан или понёву³. Огромное скопление людей толкалось и шумело: бояре, купцы, княжеские дружинники, чьи кольчуги сияли на солнце едва ли не ярче боярских парчовых нарядов, горожане, смерды, селяне из ближних и дальних сёл, съехавшиеся на торжество. Видно было, что люди взволнованны, однако большинство старались унимать волнение: пока ничего ещё не происходило – гоже ли заводиться?

В глубине площади, ближе к княжеским хоромам, началось движение.

С десяток дружинников, работая локтями и плечами, раздвигали толпу, чтобы могла проехать колесница. Тотчас она и показалась, медленно двигаясь от крыльца терема по направлению к собору. И в это время на звоннице начали звонить колокола.

– Едут! – пролетел сквозь толпу, от человека к человеку, нестройный возглас.

Люди вытягивали шеи, стараясь рассмотреть колесницу, и тем, кто повыше ростом, было видно, что она богато украшена, внутри устлана дорогим персидским ковром, которым покрыты и дно её, и сидения.

Седоков, по крайней мере старших, увидели почти все – они возвышались над повозкой, потому как, тоже волнуясь, не могли остаться на сиденьях и встали.

– Здрав буди, княже Ярослав Всеволодович! Здравы будьте, матушка княгиня со княжичами! – раздался из густой толпы чей-то крик, и его на разные голоса подхватила толпа. Люди кричали вразнобой, иногда выкрикивая приветствия хором, в три-четыре горла, иной раз кто-нибудь, особенно голосистый, всех перекрикивал:

– Здравы будьте, князь со княгиней!

– Здравия княжичам!

– Многая лета роду Ярославову!

Князь Переяславский Ярослав, слушая эти приветствия, склонял голову, улыбаясь в густую ржаную бороду, иногда поднимал руку и взмахом её приветствовал шумящий люд.

Он и княгиня Феодосия ехали в колеснице нарядные – оба в дорогой праздничной одежде византийского шитья. Тяжёлая парча с собольей отделкой, драгоценные камни. Во всём этом было бы, верно, жарко, но, к счастью, май в том году, в лето 1225 от Рождества Христова, выдался прохладный и, как ни ярко светило солнце, студёный ветер с беспокойного поутру Волхова проникал под одежду.

Ярослав Всеволодович был высок ростом, и его немного тяжёлая, могучая стать выдавала немалую силу. В свои тридцать четыре года он успел обильно посесть – сквозь червлёное золото его висков проступало и немало серебра. Ему редко доводилось снимать кольчугу и шлем – постоянные боевые походы вынуждали к этому, поэтому праздничная одежда, казалось, стесняла князя. Его жена, спокойная, тихая, как будто всё время чем-то смущённая,

---

³ Понёва – род женской юбки, холщовой или шерстяной. Появилась в Средние века и носилась до середины XIX века.

смотрела на мужа с мягкой нежностью – она лучше всех остальных понимала, как он волнуется перед тем, что должно было сейчас совершиться.

Рядом с отцом и матерью в колеснице сидели два мальчика, сыновья Ярослава и Феодосии. Княжичи – семилетний Фёдор и пятилетний Александр – в атласных камзолах, сафьяновых сапожках, необычайно торжественные, выглядели ещё серьезнее родителей. Видно было, что оба страшно волнуются.

Покуда колесница медленно двигалась по образованному усилиями охраны проходу, на высокой паперти собора появился немолодой величавый священник в епископском праздничном облачении.

Его толпа тоже встретила нестройным гулом. Хотя многие знали заранее, что епископ Симеон должен прибыть в этот день в Переяславль, его всё равно ждали с волнением. И, увидав, убедились: событие, о котором было заранее объявлено, непременно состоится.

– Гляди-ка! – Кто-то из толпившихся в первых рядах бояр толкнул в бок другого. – И впрямь владыка пожаловал! Из Владимира приехал. Специально – чтоб над княжичами княжеский постриг сотворить...

– Вижу, вижу, – кивнул сосед говорившего. – Да и кто б сомневался? Ярослав что замыслит, то непременно да сделает. Только вот не спешит ли князь, а? Чуть не из люльки да в князя?

Первый боярин возразил:

– Ну, полно! Так уж и спешит? Оно само собой, больно молоды княжичи. И что с того? И моложе бывали... Чего? Одному семь, другому шесть. На конях сидеть умеют? Умеют. Пора, значит. Да и Ярославу князю ко времени. Он всё на войне да на войне. А у нас хоть и дети, а князя будут – народу так спокойнее. А то всё на женской половине, при мамке сидят. Хватит!

Под приветственные крики громадной толпы, слившиеся между тем в единый нестройный гул, колесница встала возле крыльца собора. Мальчики, держась за руки, не без усилия, принялись подниматься на высокие ступени. Князь и княгиня следовали за ними, слегка переглядываясь. Епископ в это время уже вошёл в храм.

Возле Царских врат высокими стопами были сложены алые бархатные подушки. Но княжичи медлили подняться на амвон. Фёдор, почувствовав, что его младший брат колеблется, крепче сжимает его руку:

– Ты чего, Саша? Идём!

– А нам туда можно? – с невольным трепетом шепнул Александр.

– Отец сказал, стало быть, можно!

Голос старого епископа заставил мальчиков очнуться:

– Идите сюда, чада мои!

Оба, вскинув головы, посмотрели на владыку Симеона.

Лицо старца было сурово, даже словно бы печально: он хорошо понимал, на какую трудную судьбу сейчас благословит двоих детей. И впрямь – по-церковному Фёдор только первый год стал именоваться отроком, Александра же величали покуда младенцем⁴. Но что с того? В этот день им предстояло стать князьями, а значит, не быть больше детьми...

– Приспел час быть вам князьями! Учиним же сей обряд, как пращуры наши чинили.

Повинуясь взгляду владыки, Фёдор и Александр почти одновременно уселись на высокие подушки. В храме, заполненном до отказа и, казалось, даже за пределами его, на просторной площади, вдруг стало тихо. Все собравшиеся, сами мальчики, князь с княгиней – все завороченно смотрели на епископа, повернувшегося к алтарю и читающего молитвы, затем на сереб-

---

⁴ Обычай, соблюдаемый и по сей день. По церковной традиции до семи лет ребёнка именуют младенцем, его причащают без исповеди (чист, не согрешал ещё), с семи лет – отроком, затем же человека зовут просто рабом Божиим или рабой Божией.

ряный маленький поднос, который держал церковный служка и с которого Симеон осторожно, будто боясь уронить, взял ножницы.

– Господи! Заповедывай нам вся во славу Твою творити, пришедшего раба Твоего начаток сотворити и стрищи власы главы ваша! – торжественно возгласил епископ.

Княгиня вдруг поднесла руку к лицу, в застывшей тишине стал слышен её едва заметный вздох. Она, не отрываясь, смотрела, как епископ осторожно срезает светлые локоны с затылка одного, потом другого княжича, свободной рукой складывая их на тот же поднос.

И вот в молчании храма ликующе запел церковный хор.

Он пел, а мальчики продолжали, будто замороженные, недвижно сидеть на подушках.

На этот раз первым пришёл в себя Александр. Он встал и посмотрел на старшего брата:

– Идём, Федя!

Фёдор тоже поднялся.

Уже не держась за руки, братья медленно спустились с амвона. Толпа вновь загудела, но тут и умолкла.

Перед сыновьями, на фоне замершего народа, выросла высокая фигура князя Ярослава. В левой руке он держал два меча в золочёных ножнах. Правой осенил себя крестным знаменем, и, когда начал говорить, его голос слегка дрогнул:

– Господи, Боже милостивый, дай слугам Твоим, рабам Божиим Фёдору и Александру, силу и мужество, а мечам их твердости на одоление врагов креста Христова!

Наклонившись к сыновьям, князь опоясал их мечами. У того и у другого ножны коснулись пола.

И вот тут толпа в храме и потом – эхом на площади – взорвалась единым криком:

– Вы – наши князи!

– Вы – наши князи!

– Слава Ярославичам!

Толпа в храме задвигалась – кто-то рванулся было к амвону, чтобы приветствовать князей и епископа, но княжеские дружинники, цепью вставшие перед людьми, оттеснили их назад. Это общее движение плотных рядов вынесло из собора несколько сотен человек. Кто-то, спотыкаясь, спускался на площадь, смешиваясь с основной массой народа, кто-то, увидав знакомых, останавливался. На тех, кто остановился, налетали с той и с другой стороны, однако никто не бранился, люди улыбались, заговаривали друг с другом, переполненные увиденным и услышанным.

Меж тем дружинники не грубо, но настойчиво продолжали теснить толпу, раздвигая её, освобождая пространство перед собором:

– Посторонитесь!

– Место дайте, люди православные!

– Расступись! Расступись!

Под эти возгласы часть площади постепенно освободилась, хотя вокруг этого свободного пространства толпа как будто сделалась ещё гуще и плотнее. И вдруг со стороны княжеского терема, через ранее образованный проход, который толпа заполнила было, но теперь под давлением дружинников вновь освободила, двинулись двое слуг, ведя под уздцы двух рослых жеребцов. Кони были покрыты роскошными попонами, поверх которых надеты высокие восточные сёдла.

Народ восторженно ахнул. Жеребцы были хороши – мощные, оба тёмно-гнедые, но со светлыми гривами и хвостами, с агатово-чёрными глазами, в которых таился огонь.

Красавцы-скакуны фыркали, прядали ушами, беспокойно косясь на множество окружающих их лиц. Стремена к их сёдлам были приделаны по-особому: висели низко, чтобы можно

было поставить ногу в стремя, будучи совсем невысоким, но затем, подтянув ремень через металлическое кольцо, установить стремя значительно выше.

Князь Ярослав прошёл меж расступившимися людьми, ведя за собой сыновей, неспешно взял у слуг конские поводья:

– Ну! – Он обернулся к мальчикам, и они только сейчас вдруг увидели, что их отец, всегда спокойный, исполненный силы и уверенности, волнуется едва ли не сильнее, чем они. – Что глядите-то? С Богом! Сядьте на кони. Отныне вы – князья наши, как подобает Мономашичам⁵. Смелее!

– Саша! – еле слышно шепнул в ухо брату Фёдор. – А ну, как не сладим? Отцу ж при народе позор учиним... Гляди, как кони играют-то! Вдруг не послушают нас?

Александр глянул на брата и постарался улыбнуться как можно увереннее:

– Это как так не послушают? Мы – князья! Не могут они нас не слушаться! Садимся!

Александр первым поставил ногу в нарядном сапожке в кованое золочёное стремя. Конь фыркнул, попытался прятнуть в сторону, но опытный стремянный крепко держал повод, да и пятилетний князь не растерялся. Сильно оттолкнувшись, другой ногой, он подтянулся руками за луку седла и одним движением вскочил в седло, после чего сразу натянул ремень, выравнявая высоту стремян.

Толпа кругом восторженно заревела. Фёдор, не желая отставать, решительно последовал примеру брата. И вот они уже оба в сёдлах и, как ни малы, держатся прочно.

Ярослав, украдкой переведя дыхание, встал между сыновьями и глянул на них сверху вниз, уже не скрывая радости.

– Я и не сомневался! – Его голос дрожал, но теперь Ярослав Всеволодович и не думал скрывать эту радостную дрожь. – Будете мне опорой и заменой, если надобно станет. Блюдайте и стерегите Русскую землю! Храните град Переяславль! Будьте отныне к врагам грозны, а к своим милостивы. Князь меч не для красоты носит!

Толпа продолжала шуметь. Оживлённые, радостные лица и весёлые голоса окончательно убедили князя Ярослава в том, что он принял верное решение. Хотя и нелегко было решиться. Что там ни говори, а его сыновья – дети, и возлагать на них тяжесть княжеского венца отцу было страшно. Это ведь не просто так, чтобы люди чтили больше да смотрели почтительнее. Случись что, не дай Боже, с ним, Ярославом, и воеводы, посадские главы, купцы, боярские представители – все пойдут с поклоном, вопросами, грамотами к новым князьям – семилетнему Фёдору и пятилетнему Александру. И если враги, коих вокруг множество, к городу подступят, за решением тоже обратятся к двоим мальчуганам, едва оставившим детские игры...

А что было делать князю? Кабы не так трудно и не так опасно было ныне жить на Руси, кабы не так! Стонет Русь под игом татарским, под тяжкой данью, под жестоким унижением. А с разных сторон иные враги насаждают, дышать не дают. Одна Литва чего стоит – то мир заключат, то сами же подлю нарушат и русских же в том винят... И рыцарям ливонским неймётся, и старым недругам печенегам. Да кто ж не нападёт в тяжкий час на тех, кому и без них едва удаётся на ногах устоять? Но всё бы ничего, да хуже прочего – междоусобицы княжеские внутри самой Руси! Не хотят русские князья жить в единении, даже при таких лютых бедах от спеси и упрямства не отступают. Один удел на другой татарские полчища наводит – дескать, эти дани платить не хотят да эти не желают! А татары что? Рады стараться – налетают, разоряют, жгут, грабят, в полон угоняют. Так вот и творят зло – брат брату, сосед соседу...

И вот на такое княжение благословил Ярослав Всеволодович своих маленьких сыновей, решившись совершить над ними княжеский постриг.

---

⁵ Князь Ярослав Всеволодович приходился внуком знаменитому Владимиру Мономаху.

Глава 2

Наставник

Покуда толпа на площади радостно шумела, от терема, выставив вперёд плечо, довольно легко раздвигая людской заслон, шёл к окружённым народом князьям рослый человек, одетый в простое, но ладно и красиво пошитое платье. От прилагаемых усилий ему сделалось жарко, и он расстегнул кафтан синего сукна, открывая светлую шёлковую рубаху и красиво расшитый пояс, как видно, дорогой его владельцу, не то бы не спрятал богатую вещицу под кафтаном.

По виду то был боярин, не молодой, но и не преклонных лет, ему казалось от сорока пяти до пятидесяти. Статный, не полный, но и не поджарый, с красиво седеющей бородой, с уверенным взглядом серых быстрых глаз. У него была к тому же твёрдая походка человека, явно не привыкшего величаво выступать в долгополых мехах и горделиво держать голову, ради того чтоб не упала и не накренилась высоченная шапка.

Он шёл, благодаря своему росту издали видя князя Ярослава и его сыновей. На губах идущего играла улыбка: он всей душой любил князя.

Толпа вокруг продолжала гудеть нестройным хором, но время от времени можно было слышать отдельные слова и фразы. И одна такая фраза заставила боярина обернуться, чтобы увидеть говорящего.

– Любит, любит народ полюбоваться на дива всякие! А тут сразу два дива: двумя князьями больше стало на Руси. Только заметить их нелегко: ни от земли не видать, ни в седле не разглядеть...

Затёршись среди толпы, вблизи чернели две фигуры. Двое людей, одетых в чёрное, осторожно протирались ближе к князьям. Один из них и произнёс слова, что привлекли внимание боярина.

Но и не только его.

Стоявший поблизости дружинник тоже резко обернулся:

– Говорят: мал золотник, да дорог! Совершился княжеский постриг, стало быть, сыновья Ярославовы – князи наши.

И возвысив голос, дружинник крикнул:

– Слава! Слава Ярославичам!

– Слава, слава! – охотно подхватил старший из волхвов⁶ (а что перед ним забредшие на праздник волхвы, шедший от терема боярин понял сразу, едва их увидел. – Слава, слава... Только для славы пока и гожи. Князь думает: на коней посадил, вот они уж и князи... А что они могут? Ни на битву, ни для беседы мудрой не доросли. И случись чего, не от сиськи же мамкиной побегут нас спасать!

– Разве что с Божией помощью враз и вырастут! – воскликнул другой волхв. – Сказку-то слышали: там княжич какой-то не по дням, а по часам рос... Только вот сказка сказкой, а на деле-то от Бога таких чудес и не видать...

Дружинник гневно нахмурил брови, но не успел ничего сказать, Седобородый боярин сделал шаг к говорившим и ухватил одного из них за край широкого чёрного рукава:

– А вы-то с чего взялись Божью волю обсуждать, нехристи?! Шли бы отсюда оба! В праздник мы всякому рады, только вот народ русский гневить не стоит!

Чёрные фигуры мигом растворились в толпе. Исчезли с такой быстротой, будто ушли в землю.

---

⁶ Волхвы в Древней Руси – жрецы языческих богов, осуществлявшие служение идолам и жертвоприношения перед ними. Считалось, что они умели заклинать стихии (например, вызывать дождь), прорицать будущее, насыпать или исцелять болезни.

– Это что за вороньё? И с чего они тут каркают? – справился у боярина дружинник. – Не видал я у нас таких.

Боярин в ответ поморщился:

– Да вот, пожаловали. Волхвы хазарские. Колдуны. Сколь их не гонят, а они всё едино лезут, народ православный смущать...

В это время князь Ярослав заметил боярина – тот был уже достаточно близко – и, в свою очередь, направился к нему:

– А я всё гляжу: где ж ты, друже Фёдор Данилович! Чего ж не подойдёшь?

Взяв старинного друга под локоть, князь подвёл его к своим сидящим в сёдлах сыновьям и, не пряча улыбки, проговорил:

– Вот тебе, боярин Фёдор Данилович, княжье поручение: отныне двум молодым князьям ты – воспитатель и учитель. Обучай их со всем умением да со всей охотой делу ратному, езде верховой, всему, что сам так хорошо умеешь. Чтоб не хуже тебя были. В пять годов упрaviшься?

Фёдор Данилович тоже улыбнулся:

– Рад служить, княже. Коли в тебя сыны удались, так им наука не в тягость станет. Справятся!

– Верю, что справятся! – кивнул Ярослав Всеволодович. – Но уж и ты постарайся!

Князю подвели коня, и он, оказавшись в седле, крикнул с его высоты:

– Праздник у нас, русские люди, праздник! Всем сегодня дары раздаю. Князей да бояр жалую златом и серебром, мехами да тканями драгоценными! Люд простой на пир зову. Сейчас столы накроют, да и выпейте за сынов моих, новых ваших защитников! Никто нынче отсюда не уйдёт, чары не опрокинув да пряником не заев! Веселитесь, люди! Праздник!

С этого дня настоящее детство для Фёдора и Александра закончилось. Началась наука, которую полагалось узнавать всякому, рождённому мужчиной, а уж тем паче – князем. Правда, не всякий приобщался к этой науке так рано, да и княжеский постриг в семь и в пять годов от роду совершался над отроками очень редко. Пожалуй, что братья Ярославичи оказались первыми...

Их учитель исполнял поручение князя Ярослава со всем пристрастием, иногда, казалось, забывая, что обучает всем премудростям маленьких детей.

Каждый день начинался отныне для мальчиков одинаково. После утренней молитвы они шли вслед за боярином Фёдором на двор позади терема, скидывали свои кафтанчики и надевали поверх рубах широкие простёганные доспехи, сшитые из грубой холстины и туго набитые конским волосом. Они прикрывали грудь и живот. Закрытой оказывалась и спина, только вот конский волос туда, на обратную сторону, не подшивали – повернёшься к противнику спиной, пеняй на себя...

Нередко свободные от службы княжьи дружинники, дворовые люди и кто-нибудь из княжьей челяди заглядывали на двор, чтобы поглазеть на трудную науку малолетних князей. Но подглядывали издали. Почти украдкой: Фёдор Данилович, заметив чьё-то любопытство, мог и по шеем надавать, а то и донести старшему князю, что обучению его сыновей мешают досужие бездельники, и тогда уж милости не жди – можно и кнутов схлопотать!

Но зрелище было увлекательное – как тут не рискнуть.

Боярин чаще всего начинал потешный бой с учебной сечи.

Вооружившись деревянным мечом, он яростно наступал на пятилетнего князя Александра и семилетнего князя Фёдора. В их руках были такие же деревянные мечи, только куда короче и легче, по росту и по силам. Оба мальчика отчаянно отбивались от ударов боярина, но и вдвоём им приходилось трудно. При этом у каждого на левой руке был надет небольшой щит, но и щиты не очень-то помогали...

С недавнего дня пострига юные князья изменились. Волосы у них стали короче и уже не опускались красивыми локонами на плечи. Иными стали и лица: серьезнее, твёрже. Казалось, они даже посуровели.

– Что вы всё пятитесь? – негодовал боярин. – Наступать надо! В бою я б давно зарубил обоих. Смелее обороняйтесь и сами в напор переходите! Давайте! Ну! Я ж без щита рублюсь, стало быть, используйте щиты. Удар отбил и сам вперёд пошёл! Да ну же! В ближнем бою один удар пропустишь, тут и конец тебе. Вот так! И так!

После таких слов он обычно двумя ударами сперва вышибал у князя Фёдора щит, потом плашмя бил его мечом по руке. Бил сильно, почти взаправду. Фёдор ронял свой меч, потом от нешуточной боли и от неожиданности, не удержавшись, вскрикивал и падал.

– Ой! Больно же, боярин!

Фёдор Данилович, отступив на шаг, усмехался в свою серебристую бороду:

– Это плашмя-то? Да вполсилы? Больно? Ну-ну? Думаешь, тебя в бою тоже так бить станут? Сел в княжье седло, так и сражайся, как князь, а не как сосунок из-под мамкина подола! Ну-ка встал да меч поднял! И не стыдно? Вы ж с братом – Мономашичи, великого князя Владимира Мономаха – потомки. И отец ваш из этого рода, и матушка. Её отец – из старших Мономашичей – князь Мстислав Удатный. Среди Мономаховых потомков никто в бою себя не осрамил! А вы что? Ну! Князь Фёдор! Встал, встал и за дело!

Фёдор кусал губы, чтобы не заплакать, поднимался, вновь брал меч и щит. Он пытался наступать на учителя, но тот отбивался и почти сразу вновь обезоруживал мальчика.

Александр, которому обычно перепало «науки» вслед за братом, глядел молча, негодуя хмурясь.

Однажды (это случилось месяц спустя после начала обучения) младший князь не утерпел и кинулся на своего наставника прежде, чем тот на него.

– А-а-а, ты так! – в сердцах закричал мальчик, замахиваясь на Фёдора Даниловича деревянным мечом и поднимая щит.

– Ишь ты, шустрый какой! – воскликнул не без удовольствия боярин.

Встретив напор Александра, он ударил его своим мечом по краю щита. Щит упал, но мальчик, нырнув под меч противника, что есть силы огрел его своим маленьким оружием сбоку, под колени. Не ожидавший этого боярин, ахнув, отступил и, к немалому удовольствию укрывшихся по углам и на галерее терема зрителей, плюхнулся на «пятую точку».

Зрители, прикрываясь рукавами, не могли удержаться от смеха. Послышались и насмешливые одобрительные возгласы:

– А, смотрите, князь-то Александр даром что мал!

– Во какой рубака растёт у нас!

– Что, боярин Фёдор Данилович, не ждал?

– Ишь ты, как!.. – ошарашенно воскликнул опытный воин. – Кто ж ты учил, чтоб под колени бить-то? Не по правилу!

– А в бою всегда по правилу бьют? Всегда? – негодовал в ответ маленький князь. – Мне выше не достать, вот я так и ударил. Куда могу, туда и бью! Не люблю, не дерись!

– Молодец! – Поднимаясь, Фёдор Данилович старался не морщиться – мальчик ударил его достаточно больно. – За сообразительность хвалю, а грубости не показывай! Не то ведь и уши надеру!

Между тем Фёдор подошёл к брату и стал с ним плечо в плечо:

– А ты нас сперва победи, боярин Фёдор Данилович! Тогда и уши надрать можешь...

Учитель зашёлся смехом, потирая ладони и уже не скрывая, что доволен:

– Ладно, великие воины, ладно вам! На сегодня будет, не то ведь и зарубите меня сгоряча... Закончен урок.

Но Александр уже развоевался всерьёз:

– А из луков стрелять? А на пиках драться?

Боярин тут же передумал давать ученикам передышку. Раз сами не хотят...

– Из луков? – Фёдор Данилович поднял лежащий в перевёрнутом щите небольшой детский лук и подал Александру: – Ну, давай. В тот столб попадёшь? Вон, четвёртый слева в ограде.

Только что преисполненный решимости, Александр растерялся:

– Да-а-а-леко!

Наставник усмехнулся:

– А ты, как я учил. Ну. Руку до конца вытяни. Так. Правую ровно держи. Локоть не ниже плеча. Тяни, тяни, ещё натянуть можно. От головы не отодвигай. Ещё. Ещё! Не спускай тетиву – целься. Давай!

От усилия на лбу Александра выступили капельки пота, на переносице проступила взрослая упрямая морщинка. Пальцы на тетиве побелели, в горле замерло дыхание.

– Верно делаешь! – Фёдор Данилович склонился над плечом маленького князя, дыша тому в затылок, напряжённо следя за его руками и чуть подрагивавшим кончиком стрелы. – Верно, князь: вздох задержать надобно. На выдохе спускай. Ну!

Мальчик спустил тетиву. И хотя до столба и впрямь было далеко – саженой пятнадцать, – стрела долетела до него, даже воткнулась и слегка задрожала, но через несколько мгновений, наклонившись, упала.

– Ах ты! – в досаде топнул ногой Александр.

– Ничего-ничего! – уже вовсю разулыбавшись, воскликнул боярин. – Всё одно – молодец. А ты? – Он обернулся к Фёдору.

– А я туда уже достреливал! – гордо ответил старший брат. – Только у меня сразу стрела упала... не втыкалась.

– Ладно! – Фёдор Данилович уже не скрывал, что доволен учениками. – Завтра постреляем. А ныне вам ещё грамоте обучаться надобно. Князя ведь.

Мальчики, тоже довольные, впервые получившие столько похвал, не стали, однако, открыто показывать своей радости. Они привычно принялись собирать оружие, щиты и, нагружившись ими, зашагали к терему.

Фёдор Данилович, провожая их глазами, тоже поднимал с земли свои меч, щит и лук с колчаном, усмехаясь и одновременно вздыхая:

– Воины. Дай Бог, вырастут, вот смена отцу и будет... Дай-то Бог!

И осенил себя крестным знамением.

Глава 3

Встреча с Новгородом

Год спустя после совершения великого пострига семья князя Ярослава Всеволодовича переехала в Новгород. Случилось это не то чтобы неожиданно – Ярослав предполагал, что получит приглашение на «новгородский стол». Даже ждал его. Но вряд ли мог уверенно сказать, что желает этого приглашения. Своевольный град Новгород уже призывал знаменитого воина на княжение, и тот успел испробовать, каково это – править городом, который предпочитает никого не слушаться, жить, как захочет его своенравное вече, а князей призывать по воле этого самого вече и по его же воле, если вздумается, изгонять.

Ехать вновь к новгородцам Ярославу Всеволодовичу не хотелось, но не стоило с ними и ссориться, а потому он велел жене, сыновьям и их наставнику, чтобы те собирались в путь. Часть дружины тоже отправлялась с князем, хотя он и знал наверняка, что жители своенравного города будут ворчливо шептаться и усмехаться: мол, опасается нас князь, нам не доверяет, своих воинов везёт. Пускай шепчутся! Уж кого с собой брать, только его, князя, дело!

Они приехали в Новгород ранним утром, но широкая площадь городского Торга уже начинала оживать, понемногу заполняться людьми, хотя пока их было немного.

По сторонам площади располагались лавки торговцев, лабазы, телеги, гружённые привезёнными на Торг товарами. Вокруг этих телег топтались кучера, помощники купцов, а кое-где уже пристраивались у той или иной лавочки здешние боярыни, каждая с двумя-тремя мамушками. Значит, прослышали от кого-то, что кто-нибудь из купцов привезёт некий желанный товар и можно успеть прикупить обнову раньше других здешних модниц. Спешили открыть лавки и многие купцы, а приказчики деловито осматривали товар на телегах.

Позади Торга виднелись крыши теремов, ещё дальше – городская стена. Чуть в стороне белели стены церкви Святой Параскевы Пятницы и Николо-Дворищенского собора.

Увидав князя, въехавшего в городские ворота прежде своей дружины, сыновей и княгини, многие новгородцы, с утра собравшиеся на Торгу, стали кланяться. Кто-то громко воскликнул:

– Здрав буди, княже Ярослав Всеволодович!

Другой, новгородец из зажиточных, в богатой собольей шапке, в шубе, подбитой тем же соболем, подхватил:

– Спасибо, что уважил вече новгородское, вернулся к нам!

Ярослав, оглянувшись через плечо, бросил:

– Здравы будьте, господа новгородцы! Больно уж звали, вот и приехал! А у вас семь пятниц на неделе – то гождь вам один князь, то другой, а и вовсе без князя жить готовы...

Князь уже проехал, но ещё один новгородец, богато одетый старик, пустил ему в спину, будучи, впрочем, уверен, что оглядываться вновь Ярослав не станет:

– Кого хотим, того и зовём княжить! У нас князя нет, но Бог, Правда и Святая София!

При этом старик напоказ перекрестился.

Ярослав отлично слышал эти слова, однако действительно не стал оборачиваться. Лишь нахмурил брови под собольим мехом шапки и проговорил:

– Хорошо, хоть Бога первым назвал! А то только свою правду и ведают. То такую, то сякую...

Юный Александр, с живым любопытством озирающий торжище, почти поравнялся с отцом. Он слышал и слова богатых новгородцев, и ответы Ярослава.

– Чего это они? – удивлённо спросил мальчик. – Как это у них князя нет?

Ярослав, смеясь, хлопнул сына по плечу:

– А это когда им не грозит никто. Пока могут, живут своим умом – вече своё собирают, спорят на нём, до драки доходят, зато, мол, они свободные. А как прижмут татары, либо чудь, либо ещё кто, так смекают: рать собирать надо. А без князя рать в бой не пойдёт. Ну и зовут княжить... Ты не дивись так, Саша, – не то ещё увидишь. Лучше смотри – какой град красивый. Федюша, и ты смотри! Это мы сейчас через Торг едем. Купцы тут кругом. Наши да иноземные. Видал, на Волхове причалы – среди них и немецкий есть для иноземцев. А в самом городе варяжский двор имеется и немецкий есть. Едут к нам торговать и немцы, и шведы, и норвеги с датчанами. Вот кабы только торговали, так и цены б им не было. А то затевают распри да войны...

– Купцы? – не на шутку удивился Фёдор. – А разве они воюют?

– Нет! – сердито махнул рукой Ярослав Всеволодович. – Купцам это невыгодно. Это их всякие короли да ярлы бузят. Неймётся им, что земли у нас обширные да богатые. Глядите, глядите: вон храмы – Параскевы Пятницы да Николая Угодника. Так и зовётся: Николо-Двоищенский собор.

Вслед за князем перекрестились на церковные маковки княгиня, юные князья, боярин Фёдор и едущие следом дружинники.

Процессия неспешно миновала Торг.

– А глядите, – продолжал князь. – Вот и наши княжьи покои. Место это так и прозвали новгородцы: Ярославово дворище. Весь двор заместо камня либо дерева костью мощён.

– А я слышал, я слышал! – вновь встрял неугомонный Фёдор. – То черепа коровьи.

– Не черепа, а челюсти! – живо поправил брата Александр. – А почему они не ломаются, когда по ним на конях ездят?

– Потому что крепкие! – вместо мужа ответила княгиня. – Княже! А что, новую-то часть терема достроили?

Ярослав осадил коня, соскочил с седла:

– Не ведаю. А вот сейчас поглядим, как они там справились!

Новые покои встретили идущих вкусным запахом стружки и опилок. Работы в тереме или ещё продолжались, или только-только завершились.

Вслед за князем его родные неспешно поднимались по наружной лестнице. Часть стены вдоль этой лестницы уже была расписана узорами и рисунками, но выше ещё стояли деревянные мостки, на которых трудились мастера, нанося на штукатурку узоры. На верхней площадке четверо мальчиков-подростков деловито растирали в деревянных плошках краски: киноварь, лазурь, охра. Видно было, что возиться с краской им нравится. И хотя они не отрывали глаз от плошек, но при этом негромко распевали:

Ой, да хорошо терема изукрашены!
Ой, да хорошо терема разрисованы!
На небе – солнце, и в тереме – солнце,
На небе – месяц, и в тереме – месяц,

На небе – звёзды, и в тереме – звёзды,
На небе – зори, и в тереме – зори.

Ой, да всё-то в тереме по-небесному,
По-небесному!

Увидав князя с семьёй, художники соскочили с мостков, а мальчики испуганно умолкли. Старший из художников поклонился вместе с остальными и виновато проговорил:

– Здрав буди, княже Ярославе! Прости, к завтраму ждали, не управились... Но в палатах уж всё расписано. И просохнуть успело.

– Хорошо, хорошо! – успокоил мастеров князь. – Тут спешить-то не стоит: красоту только Бог творит по единой мысли да во единый миг. А людям для этого потрудиться приходится. Красиво пишете. Слава Богу!

Дружина не последовала за князьями в терем, оставшись расседлывать коней во дворе. Зато появился, обогнав остальных и спеша вдогонку, боярин Фёдор Данилович, воспитатель маленьких князей.

– Что? – видя явное восхищение в глазах обоих мальчиков, спросил наставник. – Хороши палаты княжьи новгородские?

– Хороши! – от всего сердца воскликнул Александр. – Только почто эти новгородцы князей своих не любят? То зовут, то не зовут? Надо б их научить – показать, что без князя останутся, так все и пропадут!

Боярин рассмеялся. Не удержалась от смеха и княгиня Феодосия. Наклонившись, она поцеловала сына. Но князь Ярослав оставался (или пытался остаться) серьёзным:

– Вот ты станешь княжить в Новгороде, так и наведёшь тут порядок.

– Как это я стану княжить в Новгороде? – живо возмутился Александр. – Фёдор старший, ему и Новгород. Батюшка, матушка, а можно пойти поглядеть Святую Софию Новгородскую?

– После! – вместо князя отозвался боярин Фёдор Данилович. – В храм Святой Софии надобно через Великий мост идти, на ту сторону реки. Так тот берег и зовут: Софийская сторона. Далеко это. А нам ещё разместиться надо, потрапезничать. К вечеру пойдём в Софию, на всенощную.

– Ну! А пока что делать? – обиделся Фёдор. – Трапезу ещё готовить будут...

Разговаривая, они вошли в один из покоев. Стены его были богато расписаны, полы застелены коврами, стены сверху донизу увешаны оружием: мечи, пики, щиты, боевые топоры. Мальчики в восторге застыли, разглядывая всё это великолепие.

– Фёдор Данилович! – воскликнул Александр. – Это наш... наш с Федей покой, да?

– Ваш, – не скрывая улыбки, подтвердил боярин-воспитатель. – Вы же князи, вот и покой княжий. Только уговор: оружия без дела не брать, шутейных битв не устраивать. Тут всё настоящее, вострое. Не заметите, как себе руки-ноги поотрубаετε!

– Мы не будем! – так же восторженно прошептал Фёдор, незаметно подмигивая младшему брату.

– Знаю я вас! – усмехнулся боярин. – И что ж встали-то? Вошли в покой? Вошли. Что сделать-то наперёд надо? Чай не стены разглядывать!

Мальчики, спохватившись и став перед божницей, устроенной в восточном углу, принялись креститься. Сам боярин давно уже это сделал, а князь с княгиней пошли дальше, каждый к себе – отдохнуть и переодеться с дороги.

– Ну? – так же строго продолжал Фёдор Данилович. – Время у нас есть. Покуда нам трапезу готовят, надобно урок повторить. Что я вам вчера рассказывал?

Юные князья переглянулись. На них обрушилось слишком много впечатлений, и учение не шло на ум. Однако делать было нечего. С боярином Фёдором не поспоришь. Александр задумался и неуверенно проговорил:

– Ты, боярин, нам рассказывал, какого мы роду-племени.

– Да! – обрадованно подхватил Фёдор (и чего же сам-то не вспомнил?). – Про наш род и рассказывал.

– Верно. И кто ж вы от роду да от племени?

– Мономашичи! – почти в один голос воскликнули мальчики. – Князя Владимира Мономаха потомки.

– Верно! – Боярин не скрывал удовлетворения. – А «Мономах» что за слово такое? Что сие означает?

Мальчики опять переглянулись.

– Это... – смущённо запинаясь, стал вспоминать Фёдор.

Но Александр тут же пришёл на помощь брату:

– Это означает по-гречески «единоборец». Койкий один со многими бьётся и всех побеждает! Был Владимир Вячеславич воин великий и премудрый правитель. Земель русских хранитель и собиратель. Распри князей пресекал и ссориться им между собою не давал, мирил их. А ещё радел о церкви Русской православной и от врагов её оборонял. И отец наш, князь, и матушка наша – от рода его происходят.

– И потому мы – самые кровные Мономашичи! – радостно подхватил Фёдор.

– Ну! Как лихо! – обрадовался Фёдор Данилович. – Всё б так-то знали да помнили. Ладно, князь, куда хватит. С дороги переоденьтесь, умойтесь. Умывальник – вон, в углу, у дверей. Да к столу не опаздывайте. Пропустите молитву перед едой, вот князь, отец ваш, и не благословит вас трапезничать!

– Не пропустим! – Фёдор схватился за свою сумку, старательно развязал её. – Вот сейчас рубашки чистые достанем...

Мальчик говорил, а сам украдкой оглядывался, убеждаясь, что их наставник ушёл.

Потом приткнул сумку на скамью и подмигнул брату:

– Пошли, Сашко, терем смотреть! Сам знаешь: трапезу куда ещё соберут...

Тихонько пересмеиваясь и перешёптываясь, мальчики выбежали из покоя, старясь не шуметь, миновали покои своего отца, прошли оружейную комнату, с величайшим интересом осматривая, трогая, пробуя пальцем на остроту развешанное и расставленное повсюду оружие. Здесь его было много больше, чем в их покое.

Дверь из оружейной вела на галерею, опоясывающую второй этаж терема. Выйдя туда, мальчики невольно глубже вздохнули: в лицо им повеял прохладный ветер с Волхова.

– Саш! Гляди: красиво-то как!

Терем стоял высоко, и с его галереи открывался широкий простор, заросший деревьями и кустарником берег, а за ним – широкая гладь реки. По реке в оба направления скользили ладьи и лодки. Виден был и Великий мост, и можно было рассмотреть, как по нему движутся подводы, едут верховые. Издали торжественно сверкали купола прекрасной Софии Новгородской.

– И то красиво! – прошептал Александр. – Будто сам Господь всё выстроил.

– А кто ж? – тоже почему-то шёпотом отозвался Фёдор. – Всё красивое Господом сделано.

– Но люди ж строят! – возразил Александр.

Сзади неслышными шагами подошла к сыновьям княгиня Феодосия. Положила руки на их плечи. Мальчики подняли головы. Лицо женщины, освещённое солнцем, обрамлённое тонкой тканью головного платка, было необычайно красиво.

Княгиня слышала разговор сыновей и ответила Александру вместо Фёдора:

– Люди, Саша, только кирпичи кладут, доски пилят да стругают. И если строят по Божьему замыслу, то красота выходит. А если от того замысла отступают, то уродуют мир. Так всегда было.

Мальчики молчали, продолжая смотреть на реку. Вода Волхова всё так же сверкала бликами солнца. И за нею в солнечных лучах светился, будто бы летел сквозь море света, невиданный храм.

Глава 4

Вече

Непросто давалось князю Ярославу его новое княжение в Новгороде. Своенравие и упрямство новгородцев уже не просто раздражали его, но выводили из терпения. Их упрямая влюблённость в какую-то там свою волю, в возможность самим определять, как жить и кем управляться, порой вызвала сомнение в здравом уме этих, вроде бы неглупых, в большинстве своём опытных людей. Они искренне верили, что могут, придя на это самое вече, решать совместно судьбу города. И словно бы не видели, кто из раза в раз получал на помосте право голоса. Выступать на вече, как правило, да практически всегда, удавалось тем, у кого были деньги. И чем больше их оказывалось в мошне очередного радателя за новгородскую волю, тем чаще он получал право высказаться и тем дольше мог говорить.

Это все видели. Это все знали. И принимали как должное...

Однажды, зимой, через три года после приезда княжеской семьи в Новгород, чаша терпения Ярослава переполнилась.

В тот раз ему самому понадобилось собрать народ на вече. Без этого он не мог устроить нескольких важных для судьбы города дел.

И вот, как бывало здесь часто, широкая площадь наполнилась народом. Новгородское вече, по своему обыкновению, шумело и рокотало. На возвышении толклись бояре, ожесточённо споря, и в гуле множества голосов невозможно было разобрать связной речи. Расталкивая их, на помост пробились несколько человек дружинников и встали (насколько им удалось) в два ряда, освобождая проход. Их толкали, нарушая твёрдость рядов, однако крепкие мужчины не сходили с места.

Снизу, из гудящей и тоже отчаянно толкающейся толпы, слышались отдельные выкрики:

– Ишь, князь, уж без дружины и на вече не выходит.

– Чего боится али как?

– Княже, покажись! Хоть сам скажи, почто вече созывал!

Пройдя сквозь ряды воинов, на помосте появился князь Ярослав Всеволодович. Оттолкнул кого-то из особо шумных бояр, подошёл к краю помоста. Солнце, пробившееся сквозь холодные зимние тучи, заиграло огнём в петлях его кольчуги. Шлем он держал в руке.

Толпа не утихала. Сверху князю было видно, как вокруг мелькает множество разных лиц, как люди всё теснее подступают к помосту.

Ярослав поднял руку. Стало немного тише, хотя стихнуть совсем гомон толпы уже не мог.

Перекрывая его своим могучим голосом, Ярослав воскликнул:

– Здравы будьте, господа новгородцы! Почто я вас созвал, вы все знаете! Собираюсь град Ригу воевать, тамошних рыцарей крестовых от походов на города русские отучить.

– А почто под Новгородом ныне твои рати переславские?! – выкрикнул, стоя вблизи князя, на том же помосте, какой-то боярин. – Для чего нам чужие ратники?!

– И чего ради мы их на прокорм брать должны?! – подхватил пожилой купец, уже из толпы с площади.

Толпа вновь зашумела сильнее, и снова князь мощным своим голосом подавил этот шум:

– Дружина моя мала, мне с ней с одною крестоносцев не одолеть! А три дни назад пришла мне грамота из Пскова. Псковитяне союз с Ригой заключили. Даже своих заложников послали туда, чтоб в их верности крестоносцы не сомневались! Я гонцов во Псков отрядил – просил своих не предавать, от псов иноземных откреститься да со мной вместе на Ригу воинов послать. Отказались, отступники двуязыкие!

Толпа заревела. Ярослав Всеволодович смотрел на бушующее перед ним людское море и уже не решался догадаться, чего в рёве толпы больше: возмущения предательством псковитян или негодования, что из-за какой-то там Риги и отдалённой пока что угрозы, исходящей от каких-то рыцарей, им здесь придётся содержать на постое большую княжескую дружину. Но нужно было продолжать говорить, и Ярослав заговорил вновь:

– Посему я прошу вас, господа новгородцы, собрать свою дружину, чтобы к моей дружине и рати переславской присовокупить да всем вместе на град Ригу выступить. И медлить в сём деле мы не можем, не то укрепятся крестоносцы, и нам их будет уже не взять. Жду ответа, господа новгородцы!

– А нам что за дело до твоих ссор с Ригой и тамошними рыцарями? – закричал кто-то из толпы.

– Сам со Псковом договориться не можешь, зачем нас в ссору втягиваешь, князь? – вновь подал голос один из бояр с помоста. – Нам с ними ссориться нужды нет!

– Коли наша братия псковичи на Ригу не идут, так и мы не пойдём!

– И полки свои переславские от Волхова уведи! – густым басом воскликнул боярин в толстенной собольей шубе.

– Назад их верни, в Переславль! – петушиным голосом кто-то из простонародья.

И дальше площадь разбушевалась воплями:

– Не для того мы тебя князем сюда призывали, чтоб ты нас в войны втравливал!

– И чтоб нам чужих дружинников кормить!

Шум усиливался. Слышно было много возгласов, подобных первым. Вече взбудоражилось, и унять его казалось теперь невозможно.

Князь сжал кулаки, в ярости развернулся и пошёл прочь, не без помощи своих воинов пробившись сквозь людей, запрудивших помост. Вслед ему кто-то засвистел, а кто-то даже засмеялся.

Он не вошёл, а влетел в свой терем. Стремительно прошагал по внешней галерее, миновал оружейную комнату, пошёл дальше. За ним едва поспевал боярин Фёдор Данилович. Позади беспорядочно бежали несколько человек слуг.

Приметив, наконец, боярина Фёдора, князь на ходу полуобернулся, стал говорить:

– После такого отпора, что мне гордецы эти нынче на вече дали, я не могу более с ними жить и ими править. Слышь, боярин: они мне указывать стали – куда рать посылать можно, куда нельзя, да чтоб полки мои с Волхова убрал! Не желаю здесь оставаться! Поутру же с княгиней в Переславль уеду, а здесь наместниками Федю с Сашей оставлю!

– Помилуй, князь! – пытался возражать боярин. – Молоды ещё князья, сыны твои! Фёдору двенадцати не сравнялось, Александру только-только к десяти идёт, куда им без тебя Новгородом править?!

– А ты на что?! – взъярился князь. – Тебя оставлю им в помощь да Якима, тиуна их любимого. Будете, если что, им опорой. Дружины половину оставлю. И всё! Чтоб не спорил со мной!

Из женских покоев выбежала княгиня Феодосия, но и ей не удалось остановить взбешённого мужа, она лишь схватила на ходу за его плечо, засматривая снизу ему в глаза:

– Почто ж так спешить, Ярославушко? Всё одно малыми силами на Ригу идти нельзя...

– И ты учить меня станешь? – уже без бешенства в голосе, но с печалью воскликнул Ярослав. – Сам разберусь. Ишь, как новгородцы кичатся своей волей, как любят себя... А чего б их воля без княжеской власти стоила?! Горланят, что твоё вороньё над падалью! Все тут равны, видишь ли! А вправду слушают и слушаются только тех, у кого денег много: вон, на помосте, первое слово у бояр самых богатых да у купцов-толстосумов... И они это волей называют?! Вишь, Феодосия, я ушёл, а они там всё вопят – уговориться не могут. Ну уж пускай их... Ещё своё получают!

Обнимая жену, князь зашагал дальше, не замечая, как из-за угла выглядывают встревоженные, но и не менее заинтересованные Фёдор и Александр.

– Что б это значило? – смущённо спросил Александр брата. – Батюшка с матушкой уедут, а мы... одни здесь, что ли, останемся?

Но Фёдор, кажется, обрадованный неожиданной вестью, тут же подмигнул брату:

– А что? Вот и поглядим, каковы мы с тобой князя!

Утром следующего дня братья стояли на галерее, закутавшись в тулупы, и смотрели вслед уезжающим отцу и матери. Широкое пространство Ярославова дворища было пустынно, заметено снегом. Ветер неумоимо гнал позёмку. Стремительно пересекая дворище, проносились верховые: впереди – князь с княгиней, за ними – дружина. Они пролетели через ворота, уносясь прочь из беспокойного города.

Юные князья и боярин Фёдор Данилович провожали их взглядом. Боярин широко перекрестился, левой рукой поправляя на голове Александра сбившуюся шапку.

– Господи Иисусе Христе, Сыне и Слове Божий, спаси нас, грешных, и помилуй! – шептал боярин. – Ох, беспокойно на сердце, ей-ей, беспокойно! Не стало б беды, Господи!

Александр поднял голову, снизу вверх посмотрел на своего воспитателя:

– Почто тревожишься, Фёдор Данилович? Что случиться-то может? Мы ж с тобой остались! Я да Федя. Если что, ты на нас положишься!

Боярин ласково усмехнулся:

– На вас да как не положиться! Ладно, что на ветру стоим-то? В терем пошли.

Глава 5

Икусители

Первый удар колокола прозвучал как будто негромко, но раскатисто и протяжно. За ним последовал второй, он был уже гуще и звонче, так же колокол ударил в третий раз и четвёртый, без перерыва. И начал бить раз за разом, мерно, спокойно, низким своим голосом оповещая народ о начале службы. Это был благовест⁷ Софии Новгородской. Следом запели большие колокола храма Параскевы Пятницы, Николо-Дворищенского собора. Откликнулись и прочие новгородские церкви. Голоса у всех были разные, свои, и в их хоре прихожане узнавали «свои» колокола, каждый знал, в какой из храмов, навстречу какому из этих голосов пойдёт, чтобы вместе со всеми встать на литургию.

В такое время во всём большом городе не выходили из домов и не шли на утреннюю службу немногие. Стражники, несшие караул на стенах и при княжеском тереме, тяжелобольные, коим было не подняться с постели. А ещё – иноземцы, приехавшие сюда торговать, те, кто исповедовал иную веру либо веры были той же, христианской, но латинского исповедания, а значит, к православной литургии пойти и не могли.

Четверо таких, непричастных к празднику литургии пришлых людей, сидели этим морозным утром на первом этаже постоялого двора, сооружённого уже лет двадцать назад при Новгородском торге⁸.

В зимнее время число приезжих купцов сокращалось, к тому же, некоторые торговцы предпочитали, как в старые времена, ночевать прямо в своих лавках, точнее в тех, что им сдавали на время их пребывания в Новгороде местные купцы. И под крышей, и товар рядышком, а отобедать можно как раз на постоялом дворе. Поэтому места в жилых комнатах были, и порою их занимали приезжие, которые не собирались торговать, а прибывали в Новгород по иным, самым разным причинам.

Четвёрка чужаков выделялась высокими колпаками, сшитыми из тёмного сукна, длинными, чуть не до пят, чёрными кафтанами, подбитыми беличьим мехом, да сумками через плечо, которые чужаки не только не оставили в комнате на втором этаже, где ночевали, но, усевшись за тесаный стол, не стали и снимать.

Они ели принесённый с собой хлеб и заказанных ещё вечером печёных карасей, пили горячий отвар⁹ и вполголоса разговаривали промеж собой.

Но когда над городом грянул и разлился многоголосый благовест, все четверо замолчали. По их напрягшимся лицам было видно, что звон им не в радость. Почти одинаковое у всех четверых выражение злобного раздражения могло бы многое рассказать внимательному наблюдателю. Но нижняя зала постоялого двора была пуста: хозяин его со всей семьёй отправились на утреннюю службу. Туда же потянулись и остановившиеся на дворе торговые люди. Из всех в зале оставался по приказу хозяина его племянник, мальчишка лет тринадцати, коему было велено, если что, подавать постояльцам еду и питьё да получить расчёт, если те вдруг надумают съехать. Но мальчик не обращал внимания на пришлых – он занимался растопкой очага.

---

⁷ Благовест – мерный бой одного (обычно самого большого) церковного колокола, оповещающий о начале утреннего богослужения (литургии).

⁸ По сохранившимся сведениям, первые постоялые дворы на Руси появились в XII веке. Они служили в основном местом временного проживания приезжавших в русские города иностранных купцов.

⁹ На Руси до появления чая были распространены горячие напитки, заваренные на травах. Самой распространённой заваркой было растение, ныне известное как иван-чай. Заваривали также листья малины или смородины, еловую и сосновую хвою и т. п.

– Ишь, трезвонят! – не выдержал один из пришлых, средних лет мужчина, высокий и сухой, как камышовая палка. – Сейчас соберутся в кучи да и начнут лбы об пол бить – бродяге своему молиться!

– Тише, Кайдусия! – Старший из всей четвёрки наклонился к тощему, свесив из-под колпака росшие по обе стороны лица длинные жёлто-седые прядки. – Нас здесь понимают. Это же новгородцы: у них в городе говором больше, чем в Царьграде¹⁰. Подслушают нас и донесут. Нам это надо?

Тощий лишь махнул рукой:

– Парню у очага не до нас. И с чего мы должны оглядываться? Русские всё время говорят, что никому не мешают молиться по-своему. Только их, дескать, не трогайте!

– Говорить-то говорят... – угрюмо усмехнулся старший. – Но за три с лишним столетия они стали ещё более упёртыми поклонниками распятого, чем византийцы. Те хотя бы золото любят так же или почти так же, как свою веру. А у русичей всё до конца, до смертного боя...

– И зачем мы так рано поднялись! – воскликнул, лепя на столе пирамидку из хлебного мякиша, подросток лет пятнадцати, из-под шапки которого свисали такие же, как у старшего, две пряди, но коричневато-рыжие. – Спали бы ещё. Покуда они не закончат свои молитвы, никто на вече не пойдёт...

Старший усмехнулся:

– Ты мог бы спать под этот их звон, Манасия? Ну-ну! Да, и прекрати лепить из хлеба. У них считается, что нельзя относиться к хлебу неуважительно. Ещё скажет кто-нибудь, что ты лепишь идолов!

– По-моему, отец, ты преувеличиваешь! – дерзко возразил Манасия. – Это у нас главное то, что всем видно, а они, как я погляжу, любят глядеть в душу. И ведь иногда у них это выходит! Ненавижу их!

Четвёртый из пришлых, ещё довольно молодой, плотный мужчина, до сих пор молчавший, не без раздражения заметил подростку:

– Получается, Манасия, что ты один из нас их ненавидишь. А на самом деле ты один не умеешь держать себя в руках. Уймись. Вера в распятого расползается по всему миру, как ядовитый плющ, захватывает умы и души. И чтобы с этим бороться, мало их ненавидеть. Ненависть в какой-то мере, в очень большой мере, – признание их правоты. Нужно так или иначе показывать, что на самом деле они нам смешны. Отнимать святыни бессмысленно – в них тогда верят ещё сильнее. Надо находить в их святынях смешное и нелепое.

– А лучше всего, Асор, – заметил старший, – это научить людей самих смеяться над тем, что, по их мнению, свято. Глумление куда сильнее любого разрушения.

Хлопотавший возле очага мальчишка оторвался в это время от своего занятия и принялся протирать тряпицей струганные столы, по случаю отсутствия постояльцев пустые. Пришлые покосились в его сторону, хотя он по-прежнему не обращал на них внимания. Если ранее он и слышал обрывки разговора, то вряд ли его понимал.

Пришлые говорили на языке, в котором было немало русских слов и выражений, но не меньше татарских, а порой в этот причудливый говор вторгались слова и выражения, присущие иудейской речи. Это был язык, обычный для странствующих хазарских волхвов¹¹.

Между тем спустя несколько часов служба в церквах завершилась, народ стал расходиться.

---

¹⁰ Царьград – русское название Константинополя.

¹¹ Волхвами на Руси называли в основном колдунов и предсказателей. В дохристианскую эпоху института жречества на Руси не существовало, поэтому волхвов не называли и не считали жрецами, хотя некоторые из них нередко имели отношение к культам того или иного языческого божества. Ряд историков сходятся на том, что *многие волхвы, занимавшиеся колдовством, происходили из Хазарского каганата* – государства, имевшего в основе своего этноса тюркские корни, но принявшего, благодаря политике своих каганов (повелителей), иудейскую веру.

Но далеко не все разошлись по домам.

В этот день, спустя неделю после отъезда князя Ярослава в Переславль, на вечевой площади вновь стало шумно. О чём шумит народ, было не разобрать – кажется, что люди неустанно спорят, и спорят давно, словно не уходили отсюда со вчерашнего дня. С помоста к толпе то и дело взывали несколько человек бояр, пытаясь обратить на себя внимание, но их, кажется, уже никто не слушал. Вече собиралось не в первый день.

Проходя через площадь, проталкиваясь через орущую массу людей, к помосту приблизились заезжие волхвы. Поначалу разгорячённые спорами люди их не заметили.

В это же время с другой стороны площадь миновали двое княжеских дружинников, из тех, что были оставлены Ярославом Всеволодовичем в помощь сыновьям и их воспитателям. Они с неодобрением качали головами, наблюдая за происходящим. Один вполголоса, чтобы особо не привлекать внимания, заметил второму:

– Бузят и бузят господа новгородцы! Третий день кряду бузят. И уж, кажись, сами не помнят, с чего бузу-то начали...

– Да никак с князем Ярославом договориться не могут! – усмехнулся в бороду второй дружинник. – Вроде бы сами вынудили князя уехать. А как уехал – шлют ему грамоту: мол, возвращайся! И добавляют: только чтоб нашей воли не трогал... Ну, князь к ним – гонца: не буду по-вашему делать, делайте вы по-моему! Вот они и недовольны.

– Надо бы боярину Фёдору доложить, что тут творится! – заметил первый. – При таких делах в Новгороде молодым князьям небезопасно...

Глава 6

Костёр

В княжеском тереме в то же время молодые князья упражнялись на мечях, уже не деревянных, а боевых. Оба уже научились хорошо владеть оружием и, сражаясь, не задевали друг друга. Мальчики старались отбивать удары щитом.

Разгорячённые сражением, они могли не заметить проходивших мимо оружейной боярина Фёдора и двоих дружинников (тех самых, что были недавно на вечевой площади) и тем более не услышать их разговора, но те в волнении говорили довольно громко, и их возбуждённые голоса донеслись до юных князей:

– Третий день кряду вече скликают, а об чём спорят, сами толком не ведают!

– Князя бранят? – Густой голос боярина Фёдора Даниловича трудно было не узнать.

В ответ прозвучало досадливое:

– И бранят, и вернуться зовут. Только чтоб всё по-ихнему делал! А разве он станет? Плохо, боярин! Так и до беды недалеко...

Голоса удалялись, и мальчики, опустив мечи, сложив щиты на пол, переглянулись.

– Саша! – Фёдор потянул брата за руку. – Давай-ка шубы наденем да на вече пойдём.

– Зачем? – не понял Александр.

– Так. Послушаем! Об чём они там спорят-то. А? Пошли!

Спустя несколько минут братья в распахнутых шубах, наспех нахлобучивая шапки, уже бежали по ступеням терема вниз, перебегали через двор, оглядываясь – не заметит ли наставник и не велит ли воротиться, – устремлялись к площади.

Площадь так же была полна народа, однако теперь вниманием толпы завладели четверо пришлых волхвов. Один из них, старший, явно умело поймав настроение толпы, закричал, причём голос его, хотя и довольно высокий, захватил большое пространство. Он манипулировал голосом, выкрикивая фразы так, чтобы каждый раз выделялась главная мысль, в эту фразу вложенная:

– Вы вот думаете, что воле вашей князь Ярослав подчинился! Думаете! А вот и нет – не потому князь из Новгорода уехал, что вам сдался! А потому, что решил с вольностью новгородской покончить! Вот он в подмогу рати своей, что на Волхове стоит, ещё рати приведёт из Переславля. И Новгороду станет свою власть силой навязывать! А вече отменит!

Толпа отвечала дружным воём.

– А мы не дозволим! – закричал кто-то из бояр.

– Станет князь нас неволить, мы его совсем прогоним! – крикнул какой-то купец.

Толпа подхватила беспорядочные выкрики, но первому из неожиданных ораторов принялся вторить второй:

– Если у князя Ярослава за спиной дружины великие будут, так что вы супротив них сделаете? Свалит он колокол вечевой да переплавит.

Третий волхв, переждав волну общего крика, которая заглушила бы его слова, завопил:

– Крест какой-нибудь отошьёт либо побрякушек для своей княгини наделать велит... Что так глядите? Защищайте свою вольность, пока её у вас не отняли!

Богато одетый боярин, тоже стоящий на возвышении, угрюмо возразил:

– Как тут защитить? Князь назад не едет... Зовём, а он упёрся. А если он и впрямь с большими дружинами вернётся? Нас тут всех побьёт, а потом на Псков да на Ригу двинется?

Старший из волхвов резко оборотился к боярину, но закричал по-прежнему в толпу:

– Так и будет, если вы глупость свою не одолеете! Неужто не соображаете: младшие-то князья Фёдор с Александром здесь ещё, в Новгороде! И людей с ними – один боярин старый да половина дружины... Возьмите их в заложники, вот тут вас Ярослав-то слушаться и станет!

Александр с Фёдором, стоя в гуще толпы, всё это видели и слышали. На лице Фёдора отразилась тревога, он взял брата за руку, желая увести с площади. У Александра, напротив, горели глаза, рука легла на рукоять меча. Кажется, он готов был пробиваться к помосту...

Но в это самое время рёв толпы вдруг сделался тише. Слышны были растерянные голоса:

– Тихо, люди, тихо! Епископ идёт!

– Владыка Антоний!

– Владыка идёт!

Епископ Новгородский Антоний появился на помосте один, без сопровождения.

Он был не слишком высок ростом, но осанист, и лицо его, умное и спокойное, вызывало доверие. Поверх епископского облачения на плечи владыки была наброшена шуба нараспашку.

Как ни возбуждена была толпа, однако стоило епископу поднять руку, призывая ко вниманию, и гул стал стихать, правда, стих не до конца, но владыке Антонию не пришлось слишком напрягать голос, чтобы перекрыть рокот толпы.

– Что вижу я, братья и сёстры?! – воскликнул епископ, и его лицо вдруг залилось краской. – Кого вы здесь слушаете? Кому внимаете?! Вы что, не видите, кто обращается к вам с хулой на вашего князя и с призывом взять в заложники его детей?!

Развернувшись, владыка обратил взгляд на волхвов, и те, почувствовав неладное, слегка отступили, начиная пятиться к спуску с помоста, однако тесно стоящие позади люди преградили им дорогу.

– Или вы в первый раз видите таких людей?! – всё больше возвышая голос, воскликнул епископ. – А я вот вижу их в Новгороде Великом вовсе не впервые... И о делах их слышан! Это же хазары. Волхвы, приходящие к нам, чтобы своим иудейским лукавством смущать народ!

В толпе вновь возник и стал возрастать ропот. Но настроение людей тут же резко поменялось.

– А что ж мы сами-то не уразумели?! – закричал кто-то с площади. – Вон, и одеты они не по-нашему, и с лица видно, что не свои... Да и речью – чужие!

– Точно! – раздался ещё один голос. – Волхвы и есть! Вот бесы хитрющие!

А епископ, видя, что ему удалось завладеть вниманием всех, продолжал:

– Они ведь не первый день здесь. Донесли мне ещё третьего дни, что объявились у нас эти четверо. Ходят по городу да народ смущают. Призывают в храмы не ходить и учат не Господу нашему Иисусу Христу молиться, а Велесу своему!

Теперь толпа взывала. Послышались яростные вопли, проклятия, гневные выкрики:

– Иудино племя!

– Колдуны окаянные!

– Скотского бога нам навязать явились!

Рёв толпы нарастал, но владыке Антонию вновь удалось перекричать всех:

– И вот ныне, почуяв, что народ смущён, что в городе бунт зреет, как семя ядовитое, эти нехристи посмели на вече прийти и уже в открытую людей православных смущать! Против князей ваших вас же подбивают! А вы их слушаете!

Теперь толпа пришла в неистовство. Ряды людей напирали друг на друга, многие рванулись к помосту. Зазвучали уже откровенные угрозы и проклятия в адрес волхвов. Те пытались, в свою очередь, что-то кричать, вновь завладеть общим вниманием, но у них уже ничего не получалось.

Александр расширенными глазами смотрел на всё происходящее. Ему трудно было понять, как одни и те же люди за несколько минут могут изменить своё настроение на совершенно противоположное.

Фёдор тоже был возбуждён, кажется, даже испуган. В возбуждении он дёргал брата за руку:

– Пошли, Саша! Пошли отсюда!

– погоди! – Александр, напротив, тянул Фёдора ближе к помосту. – Я хочу знать, чем всё закончится.

Под крики и улюлюканье троих волхвов стащили с помоста. Четвёртому, младшему, удалось всё же проскользнуть между стоящими на помосте боярами и исчезнуть. Старший волхв видел это и закричал вслед убегающему:

– Беги, Манасия! Беги! Скройся!

Скинутых с помоста волхвов тут же скрутили и потащили на другой конец площади, к деревянным сараям. Кто-то открыл ближайший из этих сараев, и вот уже толпа с пугающей быстротой, удивительно слаженно принялась сооружать из брёвен костёр.

Слышались вопли:

– Спалить окаянных искусителей!

– В костёр нехристей!

– Сжечь, чтоб и следа их не было на земле Новгородской!

– Стойте! – Епископ Антоний кричал, срывая голос, пытаясь перекрыть вой толпы. – Вы что, с ума все посходили?! Без суда православные люди никого казнить не должны! И нельзя суд творить, князя не дождавшись! В оковы их да в подвал! Слышите, люди?!

Но толпа не слышала. Теперь уже и владыке Антонию не удавалось овладеть вниманием пришедших в неистовство людей. Связанных хазар, иступлённо бившихся в руках новгородцев, затаскивали на костёр, понукая пинками, продолжая осыпать проклятиями. Несколько мгновений, и вот уже их привязывают к воткнутому среди поленьев вертикально бревну.

Волхвы продолжали рваться, кричать, извиваясь, старались опрокинуть столб, но в ужасе лишь дёргали его в разные стороны, и он шатался, однако стоял...

Какой-то мужик в длинном армяке поднёс к брёвнам пылающий факел. За ним ещё двое или трое с разных сторон бросились поджигать костёр. Сухое дерево занималось быстро, и через несколько мгновений ветер вздул яростное пламя выше макушки столба.

– Прокляты будете, вероотступники! – завизжал один из обречённых. – Боги вам отомстят за нас! Отомстят! И Бог ваш распятый вас не спасёт! Прокляты будете!!!

Толпа, в свою очередь, разразилась громом проклятий. Искажённые бешенством лица сливались в сплошную массу. Мелькали вытаращенные глаза, бесцельно вытянутые руки с растопыренными пальцами, всклокоченные волосы, оскаленные рты.

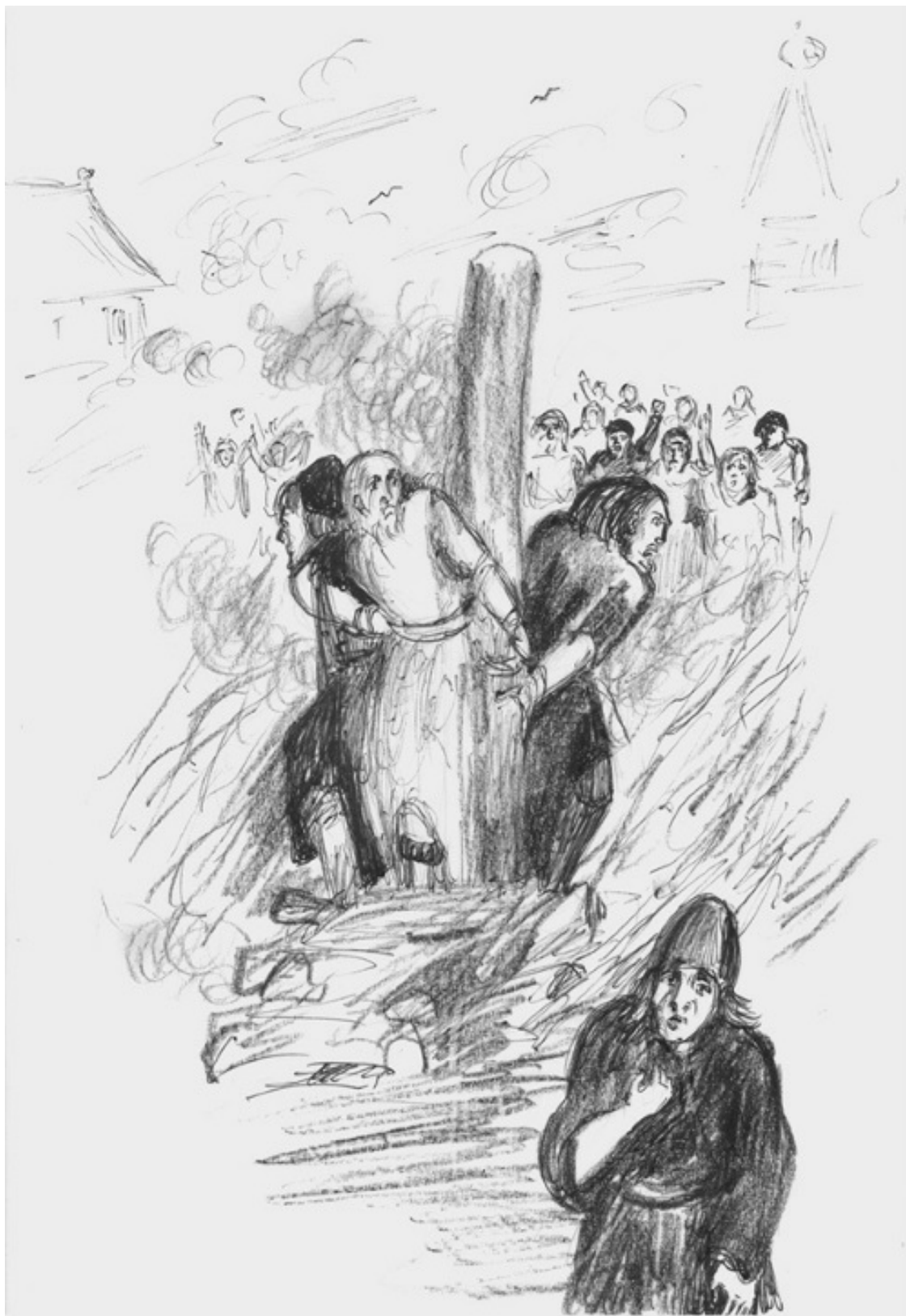
– Что ж вы творите, безумцы?! От вольности своей последний разум потеряли! – в отчаянии кричал епископ Антоний.

Но никто уже не слышал его...

Александр продолжал смотреть на всё это расширенными, уже почти детскими глазами.

– Господи Иисусе Христе! Спаси нас и помилуй! – шептал мальчик.

Пламя ревело, заглушая все звуки. Сквозь его рёв слышались адские вопли.

Онемевший от ужаса князь Фёдор посмотрел на брата.
В глазах Александра отражались пляшущие языки пламени. Но он продолжает твердить:
– Господи Иисусе Христе! Молитвами Пречистыя Твоея Матери и всех святых Твоих –
спаси нас и помилуй!

К вечеру город успокоился. И на другой день бушевавшее все последние дни вече уже не собралось. Однако вскоре оказалось, что ядовитые семена, что успели посеять промеж мятежных душ новгородцев хазарские волхвы, успели всё же прорасти.

Неделю спустя, поздним вечером в дверь покоя боярина Фёдора Даниловича тихонько постучали. Был это даже и не стук, а будто какое-то осторожное царапанье, словно кто-то хотел, но боялся постучать.

Боярин в рубахе и наброшенном на плечи кафтане, со свечой в руке подошёл двери, осторожно её отворил. В рыжем круге тусклого света проступило лицо тиуна¹² Якима.

– Якиме! Ты, что ли? – на всякий случай спросил боярин, хотя сразу же узнал слугу.

– Я, Фёдор Данилович, я! Прости, коли разбудил...

Боярин сердито махнул рукой, свободной от подсвечника:

– Не спал я. Что надо? Что такое?

Яким испуганно тряс головой. С его шапки опадали прилипшие к ней снежинки.

– Беда, боярин! Слуги рассказывают, народ вовсе взбесился. Сегодня ж вновь вече сошлось. Всё не уняться им... Так вот, мне рассказывали, будто бояре какие-то с вече шли да сговаривались, что надобно молодых князей из княжьего терема увезти да в одном из теремов боярских поселить, чтоб, значит, князю Ярославу условия ставить можно было... А про тебя, боярин, рассказывали, что если помешать сподобишься, так ненароком и шею свернуть можешь... Дескать, морозно, лестницы замерзают, скользко...

Фёдор Данилович одним движением вделся в свой кафтан.

– Понял я. Спасибо, Якимушко.

Он говорил спокойно, однако же тиун успокоиться не мог:

– И что делать станем? Ведь они могут! Могут!

Фёдор Данилович твёрдо взял Якима за локоть.

– Не шуми, Якиме! Тихо! Ступай стражу разбуди. Всех дружинников. И коней пускай оседлают. Да пошли кого-нибудь понадежней узнать, не караулят ли ворота, что с дворища ведут. Если что, так и с боем пробьёмся. А я за князьями.

На минуту вернувшись в свой покой, боярин снял висевшие в изголовье постели кольчугу и шлем, быстро их надел. Затем опоясался мечом, подхватил шубу и, вновь взяв свечу, стремительно вышел. Он шёл очень тихо, стараясь двигаться так, чтобы ножны меча не звякали о кольчугу.

Войдя в покои Фёдора и Александра, Фёдор Данилович лишь несколько мгновений смотрел на светлые лица спавших на одной кровати мальчиков. Потом выше поднял свечу, чтобы она осветила их лица. Мальчики проснулись. Фёдор невольно заслонился рукой от света. Александр же резко сел в постели.

– Тихо! – Голос Фёдора Даниловича звучал повелительно. – Живо обоим одеваться и за мной!

– Почто? Что случилось? – спросил князь Фёдор.

– Мы уезжаем, – кратко ответил наставник.

После этого обоим мальчикам ещё какое-то время казалось, будто они продолжают спать и просто видят сон.

Заснеженный двор, едва различимые в снежной мгле ворота. Несколько человек тихо проходят, ведя в поводу коней. В сёдла сели только Фёдор и Александр, остальные шли, ведя коней в поводу, ласково поглаживая конские морды, чтобы скакуны, взволновавшись, не выдали их ржанием.

---

¹² Тиунами называли некоторые категории княжеских и боярских слуг. Обычно они были выходцами из холопов. Нередко тиунов приставляли для присмотра к подрастающим боярским или княжеским детям.

Беглецы миновали ворота дворища, прошли к городским воротам. Преданная князьям стража отворила их.

– Ушли, кажется! – прошептал, крестясь, боярин Фёдор.

И вот уже все вскакивают в сёдла и во весь дух мчатся прочь от Новгорода. Темнота зимней ночи поглощает их.

Глава 7

Новый друг

Месяц спустя князь Ярослав Всеволодович стоял перед раскрытым, несмотря на зимнее время, окном, в ярости потрясая зажатой в кулаке бумагой:

– Вишь, матушка-княгинюшка, что пишут, аспиды ночные?! Дескать, они княжичей от себя не гнали и мне, мол, ничего худого не делали, а я, мол, и сам уехал, и люди мои княжичей тайком из Новгорода увезли. А посему им другой князь надобен. И знаешь ли, любезная моя, кого звать на престол свой хотят? Мишку Черниговского! Того, что у них уж два раза княжил да ими же и выгнан был! Ну пускай, пускай зовут! Погляжу, каково у них нынче будет!

Княгиня Феодосия поднялась со стула, на котором сидела за столом, подошла к мужу, сзади обняла его, с трудом достав ладонями до его широких плеч.

– Из Новгорода ещё трое тебе верных бояр убежали, – тихо проговорила она, прижимаясь лбом к плечу мужа. – Рассказывают, что после давешнего веча, на котором решали, кого звать на княжение, перебрались они там все. С два десятка теремов друг другу спалили, лавки купеческие пограбили да пожгли. И людей немало поубивали.

У князя вырывался ожесточённый смех:

– Вот-вот! Ну и чего стоит воля эта их разлюбезная? А?!

Феодосия в ответ только тихо усмехнулась:

– Да какая ещё воля, Ярославушко? Человек в себе никогда не волен, а свобода есть только во Христе. А они в злобе своей про Христа-то и забывают.

Князь сердито захлопнул окно, шагнул к столу, перекрестясь, взял с блюда большой блин, макнул в чашку со сметаной. Откусил кусок и, хоть хороши были и блин, и сметана, поморщился:

– И блины-то в рот нейдут! Смурно на душе...

Феодосия засмеялась:

– Ничего – блины кончаются. Завтра – Прощёное воскресенье, а за ним и Великий пост. Вот и забудем про блины.

Князь Ярослав гневался не напрасно. Если б случившееся в Новгороде было впервые, можно было бы просто посетовать на неразумность любителей вольности и подождать, когда те одумаются. Впрочем, что одумаются, Ярослав Всеволодович и не сомневался. Только вот такие выходки новгородцы вытворяли нередко – то звали к себе того или иного князя, то прогоняли, как того же Михаила Черниговского. И при этом были уверены, что верно поступают: мол, пускай князь делает, как мы хотим, а не наоборот!

Он твёрдо решил не отвечать на новгородское послание, второе креду, хотя не сомневался, что в покинутом им городе уже царит волнение.

Так оно и было.

Исчезновение юных князей, их наставника и княжеских дружинников, обнаруженное лишь к полудню следующего за их отъездом дня, обескуражило новгородских заговорщиков. Они поняли, что уже не смогут ставить условия Ярославу Всеволодовичу, а значит, настаивать на своём им больше не придётся. Князь не слал в город гонцов, не предлагал переговоров, и бунтари всё яснее понимали: ему это ни к чему...

Прождали пару недель. Отправили письмо: дескать, что ты, княже, нам свой норов являешь? Кто ж тебя либо сынов твоих, молодых князей, трогал? Не так уж много хочет вольный град Новгород. И не так уж трудно с нами, новгородцами, договориться.

Ответа не последовало. Тогда написали снова, то самое письмо, что пришло в канун Прощёного воскресенья. И вновь князь Ярослав не ответил.

Попробовали ещё выждать. Ждали неделю, ещё одну, ещё. И тут на границе новгородских земель, будто зная, что там произошло, объявилась большая печенежская рать. Разграбив и предав огню с десятков селений, печенеги неспешно, но уверенно двинулись к Новгороду.

Выбора не оставалось. Тотчас было отряжено большое посольство, состоявшее из бояр и купцов. Явившись в Переславль, послы клятвенно уверяли князя: мол, обижать молодых князей и в мыслях не имели, об их же безопасности думали, чтоб самим, мол, охранять – оттого и намеревались позвать их с наставником в одном из богатых теремов жить. А коли то намерение князь за дурное посчитал, так прости, не карай за глупость!

Ярослав, не то чтобы думавший, а твёрдо знавший, что в конце концов произойдёт именно это, не стал тем не менее попрекать да стращать новгородцев. Обронив всего несколько слов, вскочил в седло, кликнул дружину и велел боярину Фёдору ехать вслед с княгиней и сыновьями.

Сам он поспел навстречу печенежской рати прежде, чем печенеги успели, получив известие о его возвращении, покинуть новгородские пределы. Сеча была яростной, но короткой. Враги сдались, объявив, как нередко делали, оправдание, глупее не придумаешь: забрались, князь, в твои владения случайно, по ошибке – не туда, то есть, заехали...

А в Новгороде уже ждали, с приветствиями и поклонами, с узорными караваями и расписной чашей, до краёв полной медовой браги.

– Слава нашему князю!

– Здрав буди, Ярослав Всеволодович!

– Премногая лета тебе, княгине и молодым князьям!

И тотчас, даже не скликая веча (всё порешили заранее), пообещали и рать для похода на Ригу.

Битву с рижскими крестоносцами Ярослав выиграл, привёз из побеждённого города богатую дань и много отбитого у врагов оружия, и новгородцы искренне возликовали, тут же уверовав, что с самого начала хотели помочь князю и донельзя рады его торжеству...

А дальше вновь собиралось вече, и вновь вольным новгородцам казалось, что их волю в чём-то да ущемляют, и они грозили неповиновением, но стоило князю лишь напомнить о тогдашнем своём отъезде, как недовольство быстро стихало...

Хотя Ярослав Всеволодович отлично понимал: рано ли, поздно ли, но однажды вновь найдёт коса на камень, княжьи интересы столкнутся с интересами здешних толстосумов, и снова придётся их учить уму-разуму.

Молодым князьям Фёдору и Александру по-прежнему приходилось подолгу заниматься со своим наставником и если воинская наука давалась им пусть не легко, но скоро и была в радость, то с историей и чтением было труднее. Но оба понимали: без наук князь не князь – надобно учиться. И они учились. Как ни хотелось лучше лишние пару часов пострелять из лука или порубиться в потешном бою.

Потом пришла весна, за нею лето, и искушений стало больше. Хотелось покататься верхом по округе (зимой тоже хотелось, но снега кругом лежали глубокие – по плечи, не дай Господь – кони увязнут). Хотелось половить рыбу в богатом ею Волхове и в нём же искупаться. На всё времени не хватало, а боярин Фёдор Данилович оставался непреклонен: наука всего прежде, а баловство да удовольствия остались там, в детстве, которое закончилось с принятием княжеского пострига.

Беда пришла неожиданно-негаданно...

Однажды боярин отпустил всё же юных князей на реку искупаться, и оба, едва не возопив от восторга, ринулись наперегонки к реке.

Александр, даром что младший, как обычно, обогнал брата, и, пока тот по некрутому, заросшему травой скату берега спускался к узкому галечному пляжу, Саша уже разделся и с небольшого берегового уступа ласточкой кинулся в воду.

День стоял жаркий, ветер едва пошевеливал траву, и поверхность реки оставалась гладкой, едва ли не как зеркало.

Александр, размашисто загребая, одолел сажень тридцать¹³ и оглянулся, лишь оказавшись достаточно далеко от берега. Здесь уже мощно ощущалось течение. Оно толкало плывущего, тянуло за собой, одновременно норовя оттащить ещё дальше от берегового ската, над которым поднималась крепостная стена.

Полоса воды, отделявшая Александра от пляжа и уступа, с которого он прыгал, сверкала и искрилась в лучах солнца. Сейчас, когда вода доставала мальчику до подбородка, казалось, будто кругом него снуют косяки рыбы и их серебряная чешуя переливается искрами и огнями.

Где-то в стороне, где пляж был чуть шире, а течение более мелкой в этом месте реки послабее, купались городские мальчишки, человек двенадцать. Их голоса звенели над водой, они гонялись друг за другом по отмели, вздымая тучами брызги.

И вдруг Александр понял, что внезапно встревожило его, едва он обернулся. Рубашка и штаны Фёдора лежали рядом с его одеждой, на травяной кочке. Значит, он тоже окунулся и поплыл. Но его нигде не было видно!

– Федя! – во всю силу закричал младший брат. – Фе-е-е-дя-а! Где ты?! Отзовись!

Никто не отзывался... В сердце толкнулся холодный страх: что-то случилось с братом? Что? Вот она, река, вот берег, вот крепостная стена – незаметно подкрасться сюда никто не смог бы... Да и кому бы это понадобилось? Предположить, что Фёдор поплыл вслед за братом и обогнал его? Да нет, он не умеет так быстро плавать, да и на поверхности реки его тоже нигде не видно.

– Господи Иисусе Христе, помоги! – прошептал Александр и, набрав полную грудь воздуха, нырнул.

Вода была прозрачна, и, раскрыв под водой глаза, мальчик отчётливо увидел покрытое камешками дно, снующих над ним блестящих рыбёшек, длинные зелёные завитки водорослей.

Александр плыл под водой назад, к берегу, покуда хватало вдоха, потом вынырнул, снова вдохнул и вновь ушёл вниз. У него мелькнула было мысль покричать купавшимся вдалеке мальчишкам – позвать на помощь, чтоб тоже поныряли и поискали пропавшего князя. Но покуда докричишься, покуда приплывут, покуда объяснишь им, что случилось... Нет, надо искать самому. Феде негде быть, кроме как в реке!

Нырнув в третий раз, Саша увидел брата. Фёдор лежал на дне, раскинув руки, будто задремав на гладкой гальке.

На то, чтобы поднять его, вынырнуть с ним вместе и, поддерживая голову мальчика на поверхности, доплыть с ним до берега, ушло ещё несколько минут. Упав на холодное тело, прижавшись щекой к груди брата, затаив дыхание, Александр уловил слабые толчки. Сердце утопленника билось.

– Помогите! – что есть силы крикнул Саша. – На помощь! Князю помощь нужна! Помогите!!!

Невесть откуда рядом появился вдруг человек, которого Александр прежде не видел. На вид лет тридцати, довольно статный, с густыми, выющимися каштановыми волосами, с короткой, тоже выющейся бородой, он был как все новгородцы. И одеждой особо не отличался: штаны, заправленные в низкие нарядные сапожки, синяя, с расшитыми воротом и рукавами рубашка. Человек как человек. Уже потом мальчик обратил внимание на то, что глаза незнакомца кажутся старше, чем лицо, – серые, пристальные, отчего-то грустные, окружённые тонкой рамкой морщинок.

– Кому помощь нужна? Какому князю? Этому?

---

¹³ Сажень – мера длины (расстояния) в Древней Руси. До XVIII века, когда её длина была наконец стандартизирована, имелось много различных сажень (морская, государева, косая и др.). Обычно длина сажени была от 150 до 180 см.

Он указал на распластанное тело Фёдора.

– Да, да! – задыхался Саша. – Мы купались, и он... отчего-то утонул. Я – князь Александр, а это мой брат – князь Фёдор. Помоги! Лекарь нужен! Скорее!

– С Божией помощью без лекаря обойдёмся!

Незнакомец, встав на колени, тоже послушал сердце Фёдора, затем поднялся, подхватил мальчика за ноги и, к ужасу его брата, поднял вниз головой, принявшись что есть силы трясти.

Федино тело дёрнулось, изо рта вырвались струи воды. Он глухо застонал.

Его спаситель резко перевернул бессильно висящее тело, аккуратно опустил на гальку. Мальчик снова охнул, и его глаза открылись.

– Слава Отцу и Сыну и Святому Духу!

Незнакомец перекрестился, переводя дыхание, в то время, как Александр, едва удерживая рыдания, бросился к брату, встряхнул того за плечи:

– Федя! Федюшка! Как ты, а? С чего ты потонул-то?

– Не знаю. – Голос князя Фёдора был слаб. – Нырнул за тобой следом, а тут точно в голову кто-то ударил. И свет в глазах пропал. Саша, как оно так случилось? Ничего не понимаю...

Вдвоём с незнакомцем они одели мальчика, а незнакомец ещё и завернул его в свой кафтан, который по причине тепла давно снял и нёс на плече. Они поднялись по берегу и двинулись к воротам, спеша в княжеский терем.

– Отпусти, я и сам пойду! – попросил Фёдор незнакомца. – Ты кто таков будешь? Как звать-то? Мы тебя не видали.

– Не видали оттого, что я только недавно сюда приехал. Зовут меня Данилой. Люди Заточником¹⁴ прозвали. Князь, батюшка ваш, меня знает. Он сюда и призвал.

– А к реке тебя, стало быть, Бог привёл! – воскликнул Александр. – По Его воле ты брата моего спас!

– А в мире что ни творится, всё по воле Его! – Данила широко улыбнулся. – Ты бы, княже, не противился да ногами не дрыгал. Не стоит тебе покуда самому идти. Придём в терем, полежишь, в себя придёшь... Вон терема уж и видны.

В тереме, при неожиданном появлении всей троицы, начался переполох. Ярослав был на дворе, тренируя свою дружину, а княгиня Феодосия, увидав бледного, едва пришедшего в себя сына, охнула, сама уложила мальчика в его покое на кровать, велела позвать лекаря. Тот пришёл, осмотрел Федю и... ничего не нашёл.

– С чего ты, княже, чувств лишился, мне неведомо, – покачал головой костоправ. – И сердце бьётся ровно, послабее только, и жара нет... Я тебе отвара можжевельного сделаю, попьёшь.

Вернувшийся вскоре Ярослав Всеволодович тоже встревожился, узнав о неожиданной немочи старшего сына. Данилу он обнял, едва только не расцеловал, однако решил, что надо всё же доискаться причины Фединогo обморока. Правда, это могло приключиться и от солнца – жара стояла нешуточная, но оба мальчика клялись, что на солнце успели побыть недолго.

Данила, знавший многое о многом, благодаря долгим своим странствиям и неустанной жажде читать, предположил, что виной обморока могло стать как раз то, что воздух в тот день был очень тёплым, а вода прохладной. Такое, по его словам, случается с мальчиками-подростками.

На том порешили успокоиться. Князь Ярослав, по крайней мере, сделал вид, что его опасения прошли.

---

¹⁴ Даниил Заточник – писатель, живший, по разным сведениям, в XII или XIII веке. Автор «Слова Даниила Заточника» и «Моления Даниила Заточника», возможно и других, не дошедших до нас произведений. Сведения о нём крайне скудны.

Глава 8

Греческие лекари и первый конь

На другой день юные князья вновь занимались с боярином Фёдором, бились на мечях, стреляли из луков, и всё было благополучно.

Однако спустя три дня внезапный обморок Фёдора повторился. Он упал без чувств во время занятий с наставником. Взмахнув мечом и сделав выпад в ответ на выпад боярина Фёдора Даниловича, юный князь вдруг стал бледнее своей рубашки, пошатнулся и рухнул затылком.

Когда брат и наставник подбежали к нему, то увидели, что глаза мальчика закатились. Спешно призванный лекарь заподозрил падучую¹⁵. Но, кроме внезапной потери сознания и закатившихся глаз, никаких иных свойственных падучей признаков у мальчика не обнаружилось. Он не бился в припадке, изо рта его не шла пена, а очнувшись после обморока, князь Фёдор помнил по минутам, что было до того, тогда как при падучей первое время очнувшийся помнит не всё и даже забывает иные слова...

На другой день всё тот же Даниил Заточник донёс Ярославу Всеволодовичу, что в Новгород поутру приехали византийские купцы с ладьями, набитыми богатым товаром. Однако не товар заинтересовал неугомонного Данилу. С одним из кораблей в город прибыл известный в Царьграде лекарь по имени Стефан, со своим учеником, подростком Феофаном. Стефан хотел предложить новгородским купцам привезённые лекарственные зелья, которые, как выяснилось, те и прежде у него покупали: лекарь был знаменит, и зелья его не раз приносили немалую пользу.

Князь Ярослав сам отправился к постоялому двору, где остановились приезжие, и через час греческий лекарь и его юный помощник уже явились в княжеский терем.

Стефан, красивый рослый мужчина, темноволосый, с узкой тёмной бородой и пронзительно-синими глазами, осматривал князя Фёдора долго. Расспрашивал его, местного лекаря, князя Александра обо всех замеченных признаках загадочной немочи, долго щупал запястье больного, смотрел зрачки того и другого глаза, заставил высунуть язык. Потом достал какую-то трубку с небольшими раструбами на том и другом конце и один её конец приложил к груди мальчика, к другому приник ухом. Долго передвигал трубку с места на место, потом велел Фёдору повернуться со спины на живот и так же, с помощью своей трубки, прослушивал его спину.

Наконец, отложив непонятный инструмент, лекарь поднялся с края кровати, на которой лежал Фёдор, и обратился к Ярославу Всеволодовичу:

– Князь, дозволю с тобой глаза в глаза поговорить.

Он почти правильно говорил по-русски, и Ярослав вспомнил, что слышал о долгих странствиях знаменитого лекаря и о том, будто тот несколько лет жил в Киеве, изучая хранившиеся там старинные медицинские книги.

Они прошли вдвоём в соседний покой и там беседовали около получаса. Потом, когда вышли, стоявшая у порога княгиня Феодосия и две её мамушки приметили сероватую бледность на лице князя.

– Я не могу быть уверен в своём предположении, – продолжал начатую речь грек. – Чтобы твёрдо увериться, надо долго наблюдать больного. Я должен вернуться ко двору императора, я – его собственный лекарь. Но могу оставить у вас Феофана. Пусть его молодость тебя не смущает. Он – мой племянник и уже много лет помогает мне в работе. Он сам уже хороший

---

¹⁵ Падучей, или чёрной немочью, на Руси называли эпилепсию.

лекарь. На крайний случай Феофан сможет связаться со мной. И ещё... Хворь, о которой я тебе рассказал, обычно проявляется у мальчиков, когда они начинают становиться мужчинами. И порой наступает облегчение, если больной вступает в брак, то есть если у него появляется женщина. Так что, если мыслишь женить сына, князь, сделай это. Возможно, тогда он станет выздоравливать.

Ярослав смешался.

– Но ему и двенадцати нет, лекарь!

Стефан усмехнулся:

– Я и не говорю, что это надобно сделать прямо сейчас. Просто постарайся найти князю невесту и не тни с его свадьбой.

Феодора, которой муж в тот же день всё рассказал, твёрдо встретила весть об угрожавшей сыну опасности. Она не поняла толком, что за болезнь отыскал у князя Фёдора знаменитый грек, да и сам Ярослав не очень в этом разобрался. Но опасность, со слов лекаря, была реальна, и о ней не стоило забывать¹⁶.

Как и пообещал Стефан, его племянник Феофан остался в Новгороде и по просьбе Ярослава Всеволодовича поселился в княжеском тереме. Юным князьям было сказано, что молодому греку хочется больше узнать о рецептах русских лекарей и получить в незнакомой стране собственный опыт врачевания.

Фёдор с Александром только обрадовались этому. Они уже были рады приезду нового своего друга Данилы, с которым было необычайно интересно. Что до Феофана, то он к тому же недалеко ушёл от них по возрасту – ему сравнялось семнадцать, а выглядел он и того моложе. Юноша быстро стал понимать русскую речь, начал говорить по-русски и охотно общался с младшими князьями. Он, хотя и знал для своего возраста неизмеримо много и был уже настоящим опытным лекарем, отличался тем не менее живым и весёлым нравом, любил смеяться, рассказывать всякие занимательные истории, и юные князья быстро его полюбили.

Александр, кроме того, вскоре убедился, что Феофан, как и он сам, – отменный наездник и так же любит лошадей. А вскоре лекарь доказал, что может при случае и безошибочно выбрать хорошего коня.

К концу того лета в Новгород вновь прибыл греческий плавучий караван. И на сей раз на площадь Торга собрался чуть не весь город. Греки, кроме вин, тканей, изысканных украшений, привезли и три десятка лошадей, купленных в Персии.

– Феофанко, поможешь мне коня себе выбрать? – приступил Саша к новому приятелю. – Князь-батюшка обещал подарить мне, коли смогу сам объездить. Будет первый мой собственный конь. Дружинники говорят, что только тот конь твой, коего ты к узде и седлу приучил.

Лекарь в ответ разулыбался. У него была красивая улыбка – широкая, добрая. При его блестящих карих глазах и украшавшей лицо россыпи веснушек улыбка делала юношу просто неотразимым. Князь Фёдор шутил, что в грека-лекаря за три месяца влюбились все девицы Новгорода, которые его видели.

В тот же день Феофан сходил с Александром на Торг. Кони и впрямь были хороши, но, оглядев их, лекарь стал серьёзен и сказал юному князю:

– Это – лучшая восточная порода, Александр. Эти кони не только очень красивы. Они выносливы и сильны, отважны в битвах. И если ты покоришь такого коня, он станет тебе предан и будет много лет служить от всего сердца. Но только объездить такого жеребца не всякому

---

¹⁶ Из истории так и не удалось установить, какой именно неизлечимой болезнью хворал старший брат Александра Невского князь Фёдор. Но о том, что лекари действительно советовали поскорее женить его и князь Ярослав нашёл князю-подростку невесту и готовил его свадьбу, известно наверняка. Князь Фёдор умер перед самой своей свадьбой. Некоторые историки полагают также, что спешка с бракосочетанием объяснялась ещё и желанием Ярослава Всеволодовича иметь наследников от старшего сына.

под силу. Даже опытный взрослый наездник может стать его жертвой. Подумай, стоит ли так рисковать. Ты – князь, от тебя многое зависит.

Мальчик в ответ лишь пожал плечами:

– От трусливого князя вряд ли будет прок. Я хочу вот того коня – вороного. Тебе нравится?

– Это – лучший из всех, – кивнул Феофан. – Но он и самый сильный и самый своенравный. Не погуби себя, князь!

В тот же вечер купленного по приказу Ярослава коня привезли на княжеское дворище. Посмотреть, как сумеет десятилетний Александр управиться с огромным и могучим жеребцом, собралась целая толпа.

– И куда вы таким числом? – негодовал старший князь. – Чтоб конь ещё сильнее взъярился? Глядите, у него и так ноздри шире копыта, в глазах искры. Слышишь, Саша: подумай...

– Да что ж все меня страшат-то! – не возмутился, но почти разъярился мальчик, и все вдруг увидели, как уже по-настоящему, по-взрослому он похож на своего отца.

Александр спокойно подошёл к жеребцу, отпущенному конюхами и метавшемуся внутри образованного толпой широкого круга. Неспешно раскрутив на руке аркан, мальчик метнул его и с первого раза набросил петлю на шею коня.

Необычайно крупный вороной жеребец бешено вскинулся на дыбы, стал бить в воздухе копытами. Аркан всё теснее схватывал его мощную шею, но от этого он лишь сильнее свирепел. Князь Александр изо всех сил обеими руками натягивал верёвку. За несколько секунд его лицо густо покрыл пот. Конь дёргал аркан, гулко, неистово ржал. В какой-то момент мальчик, не выдержав, упал на одно колено. Казалось, вот-вот он не удержится и скакун поволочёт его за собой по земле.

Боярин Фёдор, не сводивший глаз с происходящего, уже не мог скрыть волнения.

– Князь! Ярослав Всеволодович, голубчик! Дозволь помочь князю Александру! Конь попался дикий, что зверь лесной, лютый! Сомнёт же, как есть сомнёт! Дозволь второй аркан кинуть да унять...

По лицу князя Ярослава было видно, что и он волнуется, видя, как опасно положение его юного сына. Кулаки князя сжались, брови сдвинулись, на чуть выступающих скулах играли желваки. Лицо тоже покрыл пот.

Но князь ответил боярину сквозь сжатые зубы:

– Десять лет Александру. В десять я сам первого коня объездил. И всякий князь русский это уметь должен...

– Но не всегда ж такого зверюгу арканить! – не отступал боярин-воспитатель. – Моя вина – недоглядел, кого там молодой князь на Торге выбрал. И грек этот ещё насоветовал... лекарь называется! А конюхи что? Им велели этого беса чёрного сюда притащить, они и притащили... Ей-богу, высечь велю дураков! А ну как убьёт он его?!

Между тем Александр, продолжая бороться со взмыленным конём, с трудом встал с колена. С силой подтягивая аркан, принялся всё ближе подступать к жеребцу.

Тут уже не выдержал и князь Ярослав:

– Сыне! Не тяжко ль тебе? Может, боярин Фёдор поможет?

Тяжело дыша, мальчик с трудом проговорил:

– Это – мой конь! Почто мешаешь, государь-батюшка?..

Князь победоносно глянул на боярина Фёдора, но затем, с ещё большей тревогой – на новый рывок коня. Тот вновь едва не опрокинул мальчика. Однако Александр ещё твёрже натянул аркан, и жеребец, начав задыхаться, слегка осел на задние ноги.

И тогда юный князь рывком подскочил к коню и, опершись левой ступнёй на бабку конской ноги, стремительным движением вскочил на конскую спину, скользкую от пота и выступивших на чёрной шкуре хлопьев пены.

На жеребце не было ни узды, ни тем более седла. Мальчику пришлось держаться лишь за густую гриву жеребца и за всё тот же аркан.

Почувяв на себе человека, хотя бы и лёгкого, конь начал дико скакать, бить задом, вертеться на одном месте. Александр твёрдо держался на его спине.

Перед его глазами мелькали – городская стена, купола храмов, верхушки теремов, отдалённый берег реки, деревья. Лица князя Ярослава, боярина, людей княжеской свиты кружились, оказываясь то вверху, то внизу, то сбоку.

Неясно, будто в уши попала вода, доносились голоса:

– Да бешеный же он!

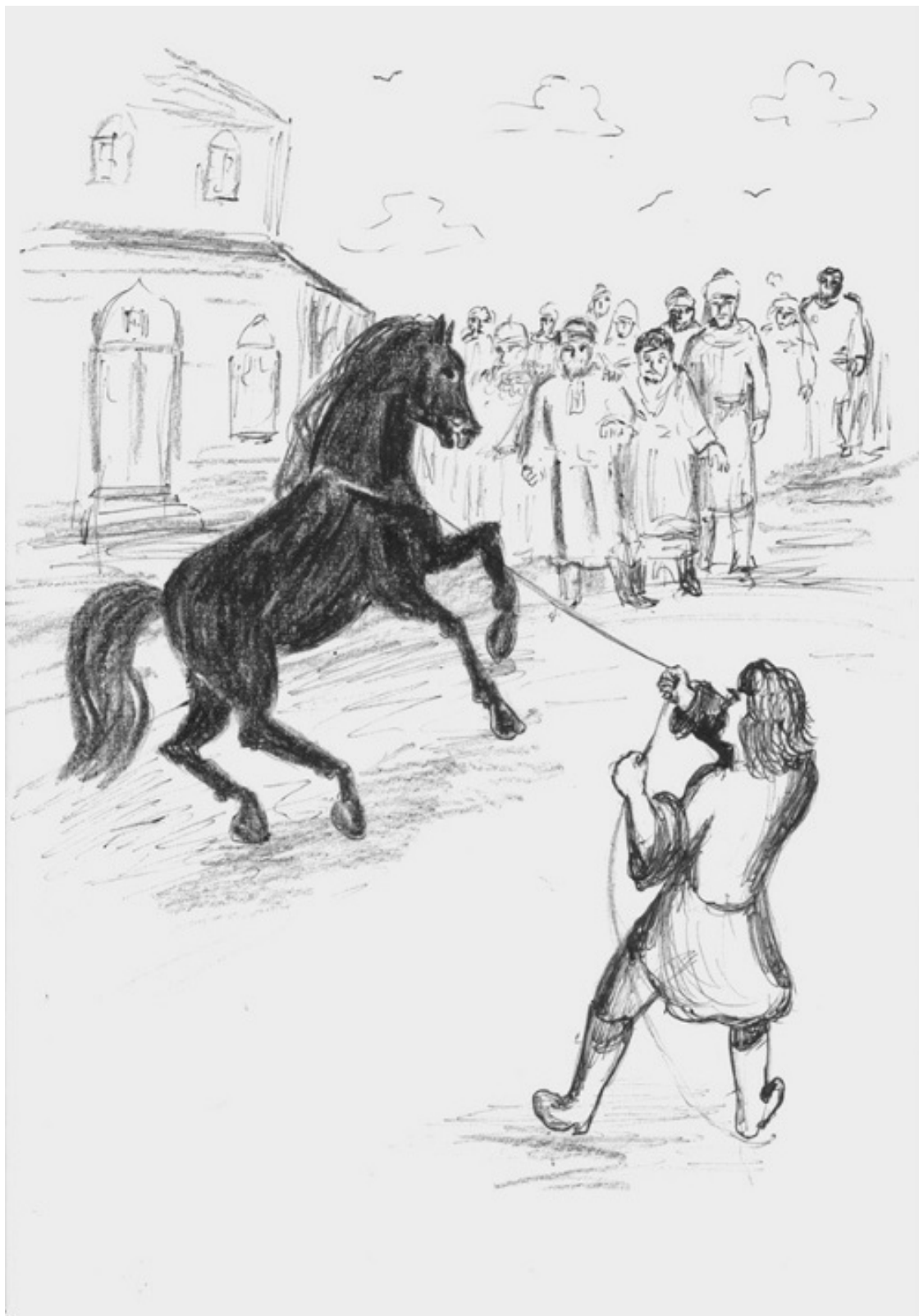
– Князь-батюшка, убьёт он молодого князя! Убьёт!

Вдруг мелькнуло лицо кого-то из воинов, в руках – натянутый лук. Воин закричал:

– Сбросит и растопчет! Дозволь застрелить!

Александр, сжимая стянутый на шее жеребца аркан, хрипло выдохнул:

– Не смей! Это – мой конь!

Вечером того же дня Александр и его новый конь пришли на берег Волхова. Вороной стоял по колена в воде, встряхивая головой с густой гривой, и фыркал, наслаждаясь прохладой и резвым течением воды.

Александр в одной рубашке, стоя в воде по пояс, окунал полотенце, отирал им шею и грудь жеребца, держа того за узду. Конь тянулся к мальчику мордой, вновь фыркал, тёрся бархатной мордой о плечо хозяина.

Александр гладил его, шепча в чутко прядущее ухо:

– Ты будешь меня носить долго... Я с тобой и в битвах буду... И никому не дам тебя обижать! Так и знай...

– Как назовёшь его? – послышался сзади голос.

На берегу стоял Феофан. Он разулся, вошёл в воду по щиколотку и, зачерпывая пригоршнями вечернюю прохладу реки, плескал её себе в лицо.

– Ты знал, что я смогу укротить его? – Улыбка осветила лицо юного князя. – Все ведь устрашились: отец, боярин Фёдор... А ты – нет?

– Я видел, что ты победишь. – Грек тоже улыбнулся. – Ты победишь и куда более сильных противников. Я вижу. Так какое имя ты дашь вороному?

– Огненный, – почти не раздумывая, ответил Александр. – Он чёрный, но внутри у него – огонь. Как у меня. Он будет со мной в битвах. А ты, Феофана?

– А что я?

– Станешь моим лекарем?

– Уже стал.

Саша вновь провёл по блестящей шерсти Огненного полотенцем, не удержавшись, обнял крутую шею.

– Спасибо, друг. Но ты же – Федин лекарь.

И тут улыбка грека вдруг погасла. Казалось, угасли даже его радостные рыжие веснушки.

– Это ненадолго, – очень тихо и очень грустно проговорил он.

Александру показалось, что его душу обдал смертельный холод. От страха сжалось всё существо.

Он хотел было вскрикнуть, возразить, сказать, что не верит.

И не смог.

Только крепче обнял своего коня.

Глава 9

Премудрости Даниила Заточника

Вслед за летом миновала осень, потом наступила зима.

Князь Фёдор каждое утро принимал лекарство, которое по указанию Стефана готовил для него Феофан, и обмороков у него больше не было. Иногда, правда, он испытывал непонятную слабость, которая мешала ему заниматься воинскими упражнениями, иногда раньше ложился спать, потому что к концу дня уставал и мысли его начинали мешаться, словно бы тускнеть. Но то и другое случалось нечасто, и у родни юного князя появилась надежда.

Молодой лекарь, внимательно наблюдавший за состоянием мальчика, казалось, тоже стал надеяться.

Сильнее и горячее всех надеялся князь Александр. Он не переставая молился за старшего брата и души не чаял в Феофане, потому что видел, как тот старается изо всех сил излечить Федю.

– Я знаю – ты тоже за него молишься! – сказал он как-то молодому греку.

Тот кивнул:

– Конечно. Иначе и быть не может. Лекарь, который не молится за больного, не излечит его. Ты ведь знаешь историю целителя Пантелеймона. Началось ведь с того, что он долго учился врачеванию и возомнил, что может излечить любую немочь. И вдруг на его глазах аспид укусил ребёнка. Ребёнок умер. Тогда Пантелеймон попросил прощения у Господа за то, что счёл себя едва ли Ему не равным, и взмолился о невинном младенце. Мальчик воскрес, а целитель именно с тех пор обрёл свой удивительный дар исцелять даже смертельные недуги.

– Я много об этом думаю, – тихо проговорил Александр. – И думаю: Бог ведь распоряжается жизнью и смертью каждого из нас. Ничего никогда не совершается не по Его Воле. Как же тогда один младенец тогда воскрес, а тысячи младенцев умирают, порой едва родившись?.. Отчего Господь не всех спасает? А?

И тут же, перекрестившись, юный князь прошептал:

– Это грех, ведь так? Я грешу, вопрошая о Божьей воле?

– Я думаю, нет, – с редкой для него грустной улыбкой ответил Феофан. – Все об этом думают. Так или иначе. И ответа никто не знает. Тех, кто теряет дорогих и близких, вряд ли может утешить то, что, умерев невинными, они сразу узрели рай... Надо быть святым, чтобы не испытать боли, а иногда и не впасть в отчаяние. А мы не святые. Знаешь, Саша, я думаю – Бог совершает Свои чудеса ради чудес ещё больших.

– Как это? – не понял мальчик.

– Да так. Ведь почему Он воскресил ребёнка, укушенного аспидом? Сам этот малыш наверняка был бы счастлив в раю, а как потом сложилась его жизнь в нашем мире, неизвестно. Но Господу нужно было, чтобы будущий великий целитель Пантелеймон уверовал, чтобы не сомневался в вере. И тот стал тем, кем стал, и спас тысячи людей, а потом подвигом страдания во имя Божие подал пример веры сотням тысяч.

Александр смотрел в лицо молодого грека и гадал, отчего тот грустит: оттого ли, что его тоже мучает вечный вопрос, почему многое в мире складывается не так, как бы хотелось людям, или же он по-прежнему не видит спасения для Фёдора и это его угнетает? Спросить? Да нет, он не скажет... Да и нельзя спрашивать. Если Феофан откроет ему, Александру, неизбежное, то сможет ли он не выдать себя перед братом, не выказать отчаяния? Нет, нет, нет! Пускай лучше молчит!

А Федя, почувствовав себя лучше, искренне этому радовался. Пережив тревогу из-за былых обмороков, он теперь вновь стал весел и бодр, в нечастые часы досуга радостно играл вместе с Сашей и тем же Феофаном, который, хотя и был куда старше их, вовсе не гнушался

детских игр и развлечений. Правда, время у Феофана находилось куда реже, чем у его юных друзей: если он не занимался составлением лекарств, то усердно изучал привезённые с собой книги, обучающие искусству врачевания, или читал что-нибудь из истории, непременно по-русски, дабы совершенствоваться в языке.

Но Фёдор и Александр в последнее время обрели ещё одного нового друга – умного и общительного Данилу, Даниила Заточника, общение с которым доставляло им массу удовольствия.

Их родители заметили эту дружбу, и она их, кажется, радовала. Лишь иногда князь Ярослав выказывал некое полушутливое неудовольствие.

Как-то, зная, что юные князья уже закончили дневные занятия, но не найдя их в тереме, Ярослав Всеволодович спросил жену:

– Феодосюшка, а где чада-то наши?

Та, пряча улыбку, ответила:

– На галерее. С Данией.

Старший князь шутливо хлопнул в ладоши:

– Ведь приворожил же мальчишек! Ну, Данилка! Умеет людей приваживать. Вот не надо было его прощать да с Лач-озера назад в Переславль призывать, а оттуда в Новгород везти. Смотри, все мои бояре да все слуги только ему в рот глядеть и станут.

– А не забыл ли ты, любезный мой, – мягко спросила княгиня, – что Данила сына твоего спас? Не окажется он тогда на берегу, Саша мог бы сам и не откачать Федю.

– Помню, – хмурясь от тяжёлого воспоминания, проговорил Ярослав. – За то ему всё простить готов.

Говоря так, князь набросил на плечи шубу и в сопровождении княгини вышел на галерею. Но мальчиков не оказалось и там. Зато снизу, со двора, послышались оживлённые голоса и смех. Князь наклонился над перилами, посмотрел вниз.

Во дворе Фёдор и Александр сидели верхом на оглоблях разгруженной телеги, в которой утром привезли снедь для княжеского стола. На той же телеге, скрестив ноги, сидел Даниил. Несмотря на мороз, он остался с непокрытой головой.

Оживлённо жестикулируя, Данила что-то с увлечением рассказывал мальчикам, те – не менее увлечённо слушали, время от времени заливаясь смехом.

– А потом, – продолжал начатый рассказ Даниил, – этот холоп и говорит мне: «А ты, боярин, не ездь сватом, не соглашайся!» Я ему: «А почему это?» А он мне: «Так ведь сам же сказывал, будто дочка та купеческая друга твоего не любит и идёт за него только по велению родителей!» Я ему: «Ну, сказывал, так и что с того? Почему сватом-то ехать не стоит?» «А потому, – говорит он мне, – что если девица та прямо жениху объявила о своём к нему нерасположении, то либо надеется, что твой приятель-боярин от неё откажется, либо просто очень своенравна. И хорошей ему супругой не будет, он с нею горяшка хлебнёт! А кого в том винить станет? Тебя, боярин! Дескать, для чего сватал?»

Мальчики вновь засмеялись.

– А разве не должна всякая девица воле батюшки с матушкой покорствовать и идти, за кого те ей велят? – удивлённо спросил Фёдор.

Рассказчик улыбнулся:

– Должна, конечно. Да только не зря народ говорит: «Сердцу не прикажешь!» Можно себя смирить, но редко когда это до конца получается. Родителей не слушаться – грех. Но и они ведь должны детям своим желанную долю выбирать... Лучше всего и всего правильной, чтоб жених с невестой друг друга любили, а родители их благословили на брак честной. Вот так вот!

– А я, – твёрдо проговорил Александр, – жениться только по любви стану! Не то каков же я буду князь? Князь всем добра желать должен, а как другим желать добра, коли себе зло творишь – сердце своё обижаешь?

Даниил внимательно поглядел на мальчика:

– А у тебя, княже Александре, ум-то не по годам!

– Сколь Господь дал, столько и есть ума! – решительно возразил мальчик. – Слышь, Данило, а что ты тому холопу ответил?

Даниил рассмеялся, не менее весело и озорно, чем мальчики:

– Я ему сказал: не учи, мол, боярина! А сватом не поехал. Честно всё своему товарищу обсказал – почему не хочу.

– А тот? – привстал на оглобле Фёдор.

– Обиделся. А спустя полгода приехал меня благодарить. Даже подарки привёз. Он ведь тогда так и не сосватал купеческую дочку, не нашёл хорошего свата. Промедлил, и, покуда решался, девица взяла да с отцовым товарищем – купцом и сбежала. Тайно обвенчалась, а после с муженьком вернулась, чтоб батюшке в ноги бухнуться!

– Купец её простил? – полюбопытствовал князь Фёдор.

– А куда б он делся? – продолжал смеяться Данила. – Во-первых, дочь как-никак. А во-вторых, у него с тем его товарищем торговых дел было на бо-ольшие деньги. Не терять же их! Вот и благословил задним числом. До сих пор в радости живут да детишек рожают. А ну как убежала бы девушка уж сосватанная?! И отцу – позор, поди-ка прости после такого... И жениху отвергнутому – стыд великий. А так – не сватал, вот и чист остался. Другую себе нашёл. Чего-чего, а красных девушек на Руси-то много.

Отсмеявшись, князь Фёдор проговорил:

– Данило, а я книжку твою прочитал!

– И я! – подхватил Александр. – Интересна-а-ая! И князь, как ты описал его, на батюшку нашего походит.

– А я нарочно про такого и писал! – Молодой человек явно был доволен. – Чтоб другим в назидание – на кого походить надобно.

– А мне понравилось, – проговорил Фёдор, – как у тебя про страх сказано: «Змей страшен свистаньем, а князь – множеством силы». Слышь, Данило, а ты видел ли змея-то? Того, про коего сказки складывают?

– Бог миловал! – перекрестился Данила. – А написал я так потому лишь, что люди часто боятся того, чего и нет вовсе. Кто вообще того змея в глаза видал, а? То-то! Да и не стыдно ль православным нечисти всякой бояться? Что, на нас креста нет? А на ком крест есть, тот защищён от слуг дьявольских. Но князь, он-то Богом поставлен – вот его и надо страшиться, чтоб не перечить ему, не нарушать его воли и тем Бога не гневить. Что, не так разве?

– Так! – Александру такое утверждение пришлось по душе. – А с чего ж новгородцы нашего батюшку иной раз не слушают, воли его не соблюдают? Они ж, выходит, Бога гnevят...

– Так оно и есть, княже! Вольность их – то же, что самовольство. И это уж точно – не от Бога. А что не от Него, то от кого? Знаете?

– От беса, от кого ж ещё! – состроив страшную рожицу, воскликнул князь Фёдор. – А ещё ты славно написал про то, как надобно князю земли русские воедино собирать, от врагов защищать... Мы с Сашей вырастем, так делать и станем!

– А как же! – улыбнулся Даниил. – Не то и не будет Руси вовсе. Вон татары что творят. Как от них защищаться? Если не всем вместе, то это – гибель верная. Вы ж про то слышали и читали. А кто во главе земель русских встанет, если не князь могучий, силою славный? Выбора-то нет.

– Слышь, Даниил! – донёсся с галереи голос князя Ярослава Всеволодовича. – Ты мне сынов-то не заморозишь? И сам вон без шапки сидишь. Голову свою премудрую гляди не застуди!

– Здрав буди, князь! – Даниил ловко вскочил прямо на телеге и поклонился. – Шапки я до самых лютых морозов не ношу, вон сколько у меня волос. А молодые князья, слава Богу, тепло оделись.

– Нам тепло, батюшка! – закричал Фёдор, пытаясь так же вскочить на оглоблю, как Даниил вскочил в телеге.

Но ему было не удержаться, и он зашатался, телега от толчка покатилась, и все трое с хохотом полетели в снег.

– Данило! – с трудом, но всё же сдерживая смех, воскликнул Ярослав Всеволодович. – Хватит тебе тут мудрствовать да молодым князьям байки свои рассказывать. Нам трапезничать пора, а опосля у них ещё чтение истории назначено.

– Батюшка-князь, но ты ж боярина Фёдора Даниловича на вечер отпустил дочку с зятем да внуками провести! – не без тайного лукавства напомнил отцу князь Фёдор. – Кто читать-то будет? Или мы сами?

– Ах ты, я ведь и забыл! – в досаде воскликнул Ярослав. – Самим-то вам историю читать не очень ладно будет – ничего ведь не запомните, тут с выражением читать надобно, чтоб всё как живое виделось.

Княгиня Феодосия между тем, привстав на цыпочки, что-то шепнула мужу на ухо.

– А и то верно! – хлопнул себя князь по лбу, вернее по густому меху собольей шапки. – Вот тебе, Данилушко, и наказ: нынче ты будешь молодым князьям историю читать.

– Слава Тебе, Господи! – дружно прошептали мальчики.

– А что? Я хорошо прочитаю! – несколько не огорчился Даниил. – Ты же, князюшко, ведаешь: историю я люблю. Так прочитаю, что всё, как было, чада твои узрят!

– Поглядим. – Князь всё ещё притворялся, что сердится. – А сейчас: Фёдор, Александр – живо в трапезную. Опоздаете к молитве, накажу.

Мальчики один за другим поднимались по лестнице, оживлённо шепчась. Их радовало, что чтецом в этот раз будет Даниил. Он и вправду прекрасно читал, будь то старая былина или нынешняя поучительная книжка.

Поотстав от идущих впереди родителей, Александр не утерпел и шёпотом спросил брата:

– Слушай, Федя, а почто Данилу нашего Заточником прозывают?

– Не знаю! – шепчет в ответ Фёдор. – Сказывают, что будто его батюшка за провинность какую-то на Лач-озеро сослал, и он там в крепости в заточении был... Там и книгу свою премудрую написал. Про князей, про власть, про Русь... Батюшка и простил его и в Переславль вернул. А ныне, видишь, и в Новгород к себе призвал. Нам на радость.

– Мне он нравится! – тем же шёпотом произнёс Александр. – А что ж он сделал такое, что батюшка осерчал?

– Не знаю...

Глава 10

Повесть о нашествии Чингисхановом. Сбор русской рати

– И затмилось солнце, светить перестало. И ни птиц не стало слышно, ни гласа человеческого – все от страха речи лишились. И пришли на Русь безбожные моавитяне, называемые татарами, о которых никто ничего толком не ведал: ни кто они, ни откуда и зачем пришли, ни каков язык их.

Расширенные глаза Фёдора и Александра отражали сполохи огня. Это отражались горевшие на столе в подсвечнике две свечи. Но по мере того как Даниил читал, мальчикам стало казаться, что они видят не два дрожащих огонька, но настоящее пламя. Им казалось, что огонь разрастается, окружает всё кругом. Будто воистину пылает земля.

Мальчикам казалось, что они видят, как по русским степям на лохматых конях мчатся орды недругов. За ними виднеются пылающие деревянные избы.

А Данила, кажется, и сам замороженный страшной и жестокой историей, описанной в летописи неким монахом, ставшим свидетелем тех событий, читал со всё большим волнением:

– Захватили татары земли половецкие, подступили к землям русским. И побивали войско половецкое. И послал тогда хан половецкий на Русь гонцов. Пришли те гонцы ко князю Мстиславу Галицкому и так ему говорили: «Ныне они взяли нашу землю, завтра возьмут вашу!» И просили идти на помощь войску половецкому.

И съехались русские князья во граде Киеве и порешили выступить на помощь половцам. Но тут пришли к ним послы и от татар и уговаривали не начинать с ними войны.

– И неужто ж русские им поддались? – едва слышно прошептал Александр. – Да кто ж верит татарам-то? Батюшка сколько раз говаривал, что нельзя им верить, что обманут они!

– Не сбивай меня, княже! – Голос Даниила взаправду задрожал. – Слушайте лучше. Правда ведь писана.

Он вновь стал читать, и юные князья перестали видеть низкие своды своего покоя, затянутое слюдой окно, за которым давно уже сгустился вечер, трепещущие свечи. Они воочию видели всё происшедшее, казалось бы, не так уж давно, по крайней мере, мальчики знали, что тогда они уже жили на свете, но были очень малы¹⁷.

Перед ними предстала большая палата в киевском княжеском тереме. По краям, на лавках и стульях, сидели русские князья. Перед ними же стояли татарские послы, богато одетые, с дорогим оружием. Один из них, старший, выступив вперёд, заговорил по-татарски. Его слова переводил на русский язык стоящий рядом пленный половец:

– Мы узнали, что вы, послушав половцев, собираетесь на нас. А мы вашей земли не занимали, ни ваших городов, ни ваших сёл и пришли не на вас, а по воле божьей на своих холопов и на конюхов своих – на поганных половцев!

Тут пленный половчанин, не стерпев, осёкся, путая слова перевода. Стоящий позади татарин тотчас прижал к его шее нож.

– Переводи, половец! – прошипел он. – Сам знаешь, что вы – поганые! Переводи, или прирежу!

Пленный продолжал говорить, но его губы вздрагивали, лицо исказилось.

– Заключите с нами мир и, если выбегут к вам половцы, от нас спасаясь, воюйте против них, а имущество забирайте себе. Мы слышали, что они и вам много зла сделали, потому же и мы против них воюем! Лучше мир с нами, чем с ними.

Посол умолк, и следом за ним умолк пленник.

---

¹⁷ Описанные далее события происходили в 1223 году, когда будущему князю Александру было три года.

Князья в задумчивости переглядывались. Наконец со своего места поднялся рослый красавец – князь Мстислав Удатный или Удалой. Оглядывая других князей, неспешно произнёс:

– Что скажете, други? Поверим ли гостям неожиданным? Половцев мы не одну сотню лет знаем. И нападали они на нас, и мы на них, и мир заключали, и после опять воевали. Но, чего от них ждать, мы ведаем. А эти кто? Чего им надобно?

– Говорят, что им нашей земли не нужно! – подал голос ещё один из князей.

– А так ли? – усмехнулся другой.

– С половцами у нас договор заключён, – заметил ещё один участник собрания. – Что ж мы – предателями станем?

– Идите с нами на половцев! – повторил старший из татарских послов. – И мы земли вашей не тронем.

Среди князей стал нарастать ропот, они готовы были заспорить между собой.

И тут, не выдержав, толмач-половчанин воскликнул:

– Не верьте им! Они так поступают со всеми. Они, как саранча, уже взяли половину мира и везде обманом захватывали земли. Одним говорили, чтобы шли на других и тогда их не тронут. Так они нас стравили с аланами, наши племена не стали друг другу помогать, вот они и разбили тех и других. И когда одолеют нас, то к вам придут!

Татары не понимали слов переводчика, но об их смысле могли догадаться по его голосу и по тому, как встрепнулись слушавшие его князья. На этот раз стоящий позади пленного татарин, уже не скрываясь, приставил нож прямо к горлу половца. Тот, задыхаясь, умолк.

– Я верю ему! – гневно воскликнул Мстислав Удалой. – Кто они такие, чтоб других своими холопами называть? На вид не краше тех... Гнать их отсюда и вместе с половцами на татар идти!

– А я б их не отпускал! – подал голос ещё кто-то из князей. – Они предупредят своих, что мы по ним ударить собираемся.

– Верно! Верно! – зазвучали отовсюду голоса.

Многие стали подниматься со своих мест, берясь за оружие.

Старший посол, увидав это, злобно закричал:

– Мы вам доверились! По нашим законам, кто убьёт доверившегося, прощения не получит!

Но толпа русских князей уже сомкнулась вокруг послов. Со всех сторон послышались ожесточённые возгласы. Кто-то взмахнул мечом. Брызнувшая кровь обагрила лицо кому-то из стоявших рядом...

От волнения Данила поперхнулся, закашлялся, закрыв рот тыльной стороной ладони.

Братья от напряжения затаили дыхание.

– А дальше?! – с трудом выговорил Фёдор. – Дальше-то? А, Данило?..

– Сейчас буду дальше читать. – Даниил рукавом смахнул с виска пот. – Только тут сколько-то пропущено видно, утрачена оказалась часть тех письмён. Но я помню, о чём говорится в пропущенных листах. Убийство послов татарских татары и в самом деле не простили. Хотя, коли хотите знать, князья, как мне думается, так от них что так, что этак ничего бы хорошего не случилось.

– Да кто б сомневался! – сжимая кулаки, проговорил Александр. – Но всё же – читай, а! Мы перебивать не станем.

– ...По широкой долине днепровского низовья медленно двигались отряды собирающегося воедино громадного русского войска. Во главе каждого большого отряда скакал князь или воевода. На ветру развевались хоругви, раздавались звуки рогов.

Часть войска, достигнув невысокого плоского холма, расположенного над разлившейся из-за весеннего половодья рекой, остановилась, поджидая догоняющие остальные силы войска. Достаточно большая рать, обогнув холм, поднялась на него. Всадники частью спешили,

частью, напротив, выстроились над краем плато. Впереди всех на красивом белом коне скакал князь киевский Мстислав Романович. Остановившись, прикрыв ладонью глаза от солнца, он посмотрел вниз, на прибывающие в долину войска.

Оборотившись к одному из своих воевод, спросил:

– А это чья рать подошла, воевода Евстафий? Велика, как я погляжу!

– Одноимёнца твоего, Мстислав Романович.

– Которого? – рассмеялся князь киевский. – Тут моих одноимёнцев я считать устал... И князь Мстислав Волынский, и Мстислав Черниговский... Но вряд ли что тот, что другой такую большую рать привели. Чья рать-то?

– Брата твоего двоюродного, князя Мстислава Галицкого, – отвечал воевода. – Кто б сомневался, что сей князь большое войско соберёт: удачлив он в битвах, недаром столько побед одержал!

– Так его за то Удалым и прозвали! – продолжал смеяться князь Киевский. – Одна беда: воует-то чаще со своей же роднёй. С нашими же князьями...

Воевода Евстафий отозвался невесёлым вздохом:

– Это вот точно – беда, Мстислав Романович! Никак нам распрей промеж собой не унять... Так и прём – русские супротив русских!

– Ну так, может, ныне объединимся наконец, чтобы поганым отпор дать?

– Дай-то Бог!

В это время снизу, по ведущей вдоль холма тропе, мчался всадник в сверкающем шлеме и алом плаще.

Он достиг плато и вскоре появился перед князем киевским и его Воеводой, бесстрашно осадив коня на самой кромке обрыва.

– Ха! – воскликнул Мстислав Романович. – А вот и он! Говорят же: лёгок на помине! Здравствуй, княже Мстислав Мстиславович!

– И тебе здравствовать, Мстислав Романович! – ответил, тоже улыбаясь, князь галицкий Мстислав Удалой. – Мы с моей ратью готовы встречать рать татарскую! Вижу, и ты готов. А почто так высоко забрался?

Киевский князь сразу сделался серьёзен:

– Сверху ударить хочу. С равнины кажется, будто слишком крут холм и мы с него не спустимся, но справа и слева, как ты и сам видел, спуск есть и разом много всадников спустятся. Если ты не откажешься первым бой принять, то я выжду, куда справа не ударят князья Волынский и Черниговский, а слева – половецкая конница. Твой ведь зять ею командует, хан Котян, так ли, князь?

– Так, – кивнул Мстислав Удалой. – Обещал, что не подведёт. Да и то: татары столько уж бед принесли половцам, что те им всяко отплатить захотят.

– Ну вот, – вновь улыбнулся Мстислав Романович. – А я подспею как раз тогда, когда от первого натиска выдохнутся татары. Надо думать, на сей раз у нас сил хватит. Я считал – всего войска выходит полторы сотни тысяч.

– Да и я вижу, что сила знатная! – согласился Мстислав Удалой.

– Значит, с Божией помощью дадим отпор поганым! – сурово нахмурился князь киевский. – Как думаешь, воевода?

Но Евстафий не спешил веселиться:

– Как сказать, Мстислав Романович, как сказать! Это если и впрямь все едины будем, да не дрогнет никто... И то, не так уж нас и много супротив татарской силищи! Ведь велика ж Русь, народу у нас много. А если сосчитать, сколь здесь со всей огромной Руси собралось? Толика малая... Это то, о чём мы с тобой, княже, речь вели: всяк князь у нас – сам за себя. Будто не одна земля у нас... Не будь того, так всех победить могли бы!

Мстислав Романович сердито сдвинул брови:

– Раньше времени поражения не пророчь, воевода Евстафий! Лучше скажи: что разведчики доносят? Когда подойдут тьмы татарские?

– К утру, – отвечал воевода. – На отдых время есть. Но его немного. Места лучше не менять: здесь, у реки Калки, место удобное, большое. Здесь врагов ждать и надо.

Все трое обернулись, глядя на заполненную войсками равнину. Море облаченных в блистающие доспехи людей освещали алые косые лучи. Заходящее солнце висело над самым горизонтом...

Даниил замолчал, перекрестясь. Оба мальчика, будто оцепенев, смотрели на него.

– Дальше! – выдохнул Александр.

Но Заточник покачал головой:

– Дальше, уж не казните, в следующий раз. Вон, князь, ваш батюшка, закладку вложил да наказал мне не читать далее.

– Потому что они все погибнут? – опуская голову, спросил Фёдор.

– Потому что спать вам ложиться надобно! – Данила пытался говорить грозно, но его голос всё так же дрожал. И то верно – хватит.

– Но историю-то нам раз в неделю читают! – почти жалобно взмолился Александр. – И стало быть, столько дней ждать...

– Стало быть, ждать, раз так велено.

Заточник поднялся и, степенно поклонившись юным князьям, вышел из их покоя.

Александр мрачно пробурчал:

– Был бы у нас ключ от сундука батюшкина, в коем он эти самые летописи хранит! Сами бы и прочитали. Уж читаем-то ныне гладко. Может, и не так скоро да красиво, как Данила, но всяко любую книгу прочесть можем.

– Это, по-твоему, батюшку-князя обмануть надобно? – с притворным негодованием возразил Фёдор. – Хотя, скажу по чести, и я бы достал те записи. Но нельзя.

И помолчав, вдруг добавил:

– Да и мнится мне, что там и вправду все герои наши смерть примут! Так, может, и не стоило бы про то читать?

Но Александр, продолжая хмуриться, покачал головой:

– Что бы в прошлом ни творилось, нам про то знать надобно. Князья ж мы с тобой, брате. И за всё на землях наших в ответе будем. Значит, знать должны.

Глава 11

Первый дружинник

В ту ночь братья спали плохо: обоим снилось то, о чём накануне им читал Данила, и, проснувшись, они только и думали, что продолжение летописания узнают только через несколько дней. А хотелось раньше!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.